

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ ДАВИДОВЪ

І О А В Ъ.

Къ характеристикѣ Іоава.

О. Покровскаго.

К І Е В Ъ.

Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.

1903.

Печатать дозволяется. 9 Юля 1903 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Платонъ*.

Военачальникъ Давидовъ Іоавъ.

На ряду съ царственною личностію Давида, живою и подвижною, съ ея самыми разнообразными проявленіями, большею частью симпатичными, но иногда и сомнительными и даже прямо нехорошими, стоитъ во все время царствованія его, отъ начала его надъ колѣномъ Іудинымъ и до конца его надъ всѣмъ Израилемъ, холодная, суровая, даже жесткая и всегда себѣ вѣрная личность главнаго военачальника Давида Іоава. Разъ только въ жизни Іоавъ сдѣлалъ, кажется, уступку въ сторону нѣжности сердца, но потомъ, какъ-бы раскаявшись въ этомъ, онъ постарался загладить эту свою слабость большею жестокостію. Но, холодный и суровый, онъ былъ всецѣло преданъ Давиду, своему царственному родственнику, оберегалъ его отъ всякихъ вражескихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ прираженій, старался поддерживать его честь, понимая ее по своему и нерѣдко вызывая своею заботою недовольство со стороны самого оберегаемаго имъ царя. Отношенія Іоава къ Давиду представляются намъ отношеніями старшаго родственника къ младшему или товарища съ болѣе твердымъ характеромъ къ болѣе слабому и чувствительному. И этотъ младшій болѣе слабый, въ настоящемъ случаѣ Давидъ, хотя нерѣдко и недоволенъ этою заботою, публично возстаетъ противъ нея, старается освободиться отъ нея, но въ концѣ концовъ, какъ-бы признавая ея разумность, под-

чиняется ей и терпять ее до конца своего царствованія. Наше представленіе объ отношеніяхъ Іоава къ Давиду, какъ старшаго къ младшему, получило бы большее подкрѣпленіе, если бы можно было доказать, что Іоавъ былъ старше Давида возрастомъ, но это едва ли можно: Іоавъ былъ племянникомъ Давида, сыномъ сестры его Саруїи и именно вторымъ; старшимъ его братомъ былъ Авесса, а младшимъ Азаиль (1 Пар. 2, 13—16) ¹⁾. Саруїя была отъ другого отца Нааса, а не отъ Іессея (2 Цар. 17, 25) ²⁾. Можно предположить, что Іессей женился на матери Давида въ то время, когда она была уже вдовою и имѣла отъ перваго своего мужа Нааса двухъ дочерей уже взрослыхъ, такъ что одна изъ нихъ Саруїя была уже сама матерью, когда у ея матери родился отъ Іессея Давидъ, седьмой его сынъ. Іоавъ могъ быть такимъ образомъ и старше Давида. Но возможно также и то, что Іоавъ, ровесникъ Давида, принялъ на себя роль опекуна именно вслѣдствіе большей твердости и суровости своего характера. Если Еліавъ, старшій братъ Давида, относится къ Давиду, уже помазанному Самуиломъ въ цари, предъ его поединкомъ съ Голіафомъ, съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ и пренебреженіемъ (1 Цар. 17, 28), то это понятно: Еліавъ, какъ братъ и къ тому же старшій завидовалъ Давиду и самъ бы не прочь былъ заступить его мѣсто. Но понятно и то, что Іоавъ, тоже какъ родственникъ, Давида, но уже болѣе дальній и не могшій претендовать на его мѣсто, а въ то же время стремившійся быть ближе къ окружавшему Давида царскому величію, старается всячески охранять священную особу царя отъ всякихъ опасностей, именно какъ своего славнаго родственника. Вполнѣ естествен-

¹⁾ Штаде почему-то считаетъ Іоава старшимъ братомъ. Bernhard Stade, Geschichte des Volkes Israel. Berlin. 1887. Band I. Seite 261.

²⁾ August Köhler, Lehrbuch der biblischen Geschichte Alten Testaments. Erlangen 1884. В 11. S. 249. 250. Anm. 2. Богородскій, Еврейскіе цари. Казань. 1884. Стр. 170.

но, что, охраняя Давида, онъ охраняетъ и свое высокое при немъ положеніе; но мы не хотѣли бы сказать, что на первомъ планѣ стояла у него забота именно о своемъ высокомъ положеніи, а забота о благѣ Давида на второмъ и нерѣдко была только прикрытіемъ. На первомъ планѣ у него была забота о царѣ Давидѣ. Какъ онъ охранялъ Давида, какія средства употреблялъ для этого, это зависѣло и отъ его характера и отъ возрѣній и понятій его личныхъ и его времени. Онъ былъ сыномъ своего рода и своего времени.

Иоавъ былъ сынъ Саруи, сестры Давида, отъ другого отца Нааса и имѣлъ двухъ братьевъ, старшаго Авессу и младшаго Азаила. Оба эти брата извѣстны изъ исторіи своею кровожадностью, или, выражаясь мягче, стремленіемъ рѣшать дѣло мечемъ. Азаиль, какъ извѣстно, гнался за Авениромъ, полководцемъ Іевосея, чтобы самому убить его послѣ сраженія при Гаваонѣ, и самъ былъ убитъ Авениромъ. Можно объяснять этотъ поступокъ Азаила и такъ, какъ объясняютъ его самъ Авениръ и какъ объясняютъ теперь и другіе, что Азаиль „пылкій, неустрашимый и честолюбивый, какъ его братья (Иоавъ и Авесса), юноша пожелалъ взять на полѣ сраженія самый крупный призъ: убить Авенира и овладѣть, какъ трофеемъ, его доспѣхами“ (2 Цар. 2, 21) ¹⁾, т. е. объяснять его изъ честолюбія Азаила. Но возможно и другое объясненіе. При всей своей молодости ²⁾ Азаиль и самъ понималъ и, конечно, отъ другихъ слышалъ, что главнымъ виновникомъ того, почему Давидъ не сдѣлался тотчасъ же по смерти Саула и теперь не дѣлается царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, былъ Авениръ, пол-

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе пари. Стр. 141.

²⁾ Азаиль не былъ, однако, „дѣтскимъ юношею“, какъ думаетъ Евальдъ (Geschichte des Volkes Israel. Göttingen. 3. Ausg. 1866. В. III. S. 160. Anm. 1): онъ былъ уже въ числѣ выдающихся героевъ Давидовыхъ (2 Цар. 23, 24; 1 Пар. 11, 26), былъ женатъ и имѣлъ сына (1 Пар. 27, 7).

ководецъ Иевосоея, и что съ устраненіемъ его Давидъ можетъ стать царемъ надъ всѣмъ Израилемъ. Устранить съ дороги Авенира и хочетъ Азаилъ. Участвовало ли въ этомъ его честолюбіе, это вопросъ, при такомъ объясненіи, второстепенный. На первомъ мѣстѣ стоитъ усердіе его къ Давиду. То же усердіе съ характеромъ мести, не гнушающееся кровопролитіемъ, мы видимъ и въ старшемъ братѣ Іоава Авессѣ. Въ пустынѣ Зифъ онъ предлагаетъ Давиду умертвить преслѣдующаго его Саула: „предалъ Богъ нынѣ врага твоего въ руки твои; итакъ, позволь, я пригвожду его концемъ къ землѣ однимъ ударомъ и не повторю“. Давидъ отклонилъ это предложеніе (1 Цар. 26, 8. 9). Въ другой разъ Авесса предлагаетъ Давиду умертвить Семея, когда этотъ злословилъ Давида, убѣгавшаго отъ Авессалома. „Зачѣмъ злословить этотъ мертвый пещь господина моего, царя? Пойду я и сниму съ него голову“, говорилъ онъ Давиду. И это предложеніе Давидъ отклонилъ съ негодованіемъ. „Что мнѣ и вамъ, сыны Саруины? Пусть онъ злословить; ибо Господь повелѣлъ ему злословить Давида. Кто же можетъ сказать: зачѣмъ ты такъ дѣлаешь“ (2 Цар, 16, 9. 10)? Еще съ большимъ негодованіемъ Давидъ отклонилъ предложеніе Авессы убить того же Семея, когда этотъ пришелъ къ Давиду съ повинною. „Что мнѣ и вамъ, сыны Саруины, что вы дѣлаетесь нынѣ мнѣ навѣтниками? Нынѣ ли умерщвлять кого-либо въ Израилѣ? Не вижу ли я, что нынѣ я — царь надъ Израилемъ“ (2 Цар. 19, 21 22)? Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ видно усердіе Авессы къ Давиду, желаніе отмстить за оскорбленіе его обидчку смертью, суровость, мстительность, пожалуй, кровожадность, но личнаго честолюбія здѣсь нѣтъ. Изъ отвѣтовъ Давида видно, что указанные черты общи сынамъ Саруинымъ. Іоавъ былъ сынъ Саруи и слѣдовательно раздѣлялъ общія всѣмъ имъ качества: былъ суровъ, жестокъ, мстителенъ до кровопролитія и всецѣло преданъ интересамъ Давида и заботамъ объ его чести и благополучіи,

не боясь при этомъ въ заботѣ о немъ навлечь на себя даже его неудовольствіе, думая, конечно, что онъ, какъ болѣе хладнокровный, а, быть можетъ, какъ старшій по возрасту, лучше самого Давида понимаетъ его интересы и его пользу. Конечно, оберегая Давида, онъ оберегалъ и себя самого и свое высокое положеніе при дворѣ Давида. Но не личное честолюбіе было главнымъ, а тѣмъ болѣе единственнымъ, рычагомъ его дѣйствій.

Въ первый разъ Іоавъ упоминается, какъ братъ Авессы, во время преслѣдованія Давида Сауломъ (1 Цар. 26, 6). Дѣйствующимъ лицомъ онъ является уже послѣ воцаренія Давида надъ колѣномъ Іудинымъ. Какъ полководецъ Давида, оберегая интересы послѣдняго, онъ слѣдитъ за движеніями Авенира, полководца Іевосеева. Въ происшедшемъ при Гаваонѣ сраженіи, окончившемся побѣдою Іоава надъ Авениромъ, послѣдній умерщвляетъ, впрочемъ, вынужденно преслѣдовавшаго его Азаила, брата Іоава, и тѣмъ возбуждаетъ въ Іоавѣ чувство мести за кровь своего брата. Это послѣднее сознаетъ и самъ Авениръ. „Отстань отъ меня, чтобы я не повергъ тебя на землю; тогда съ какимъ лицомъ явлюсь я къ Іоаву, брату твоему?“ говорилъ онъ Азаилу, отклоняя его отъ преслѣдованія себя (2 Цар. 2, 22). Какъ велика была въ то время сила мести за кровь убитаго родственника и сколь обязательною она считалась для родственника убитаго, можно видѣть изъ слѣдующаго. Свое начало мищеніе за пролитую кровь ведетъ отъ начала существованія человѣческаго рода. Еще о крови Авеля, пролитой Каиномъ, говорится, что она вопіетъ къ Богу объ отмщеніи. И убійца Каинъ долженъ былъ удалиться въ другую землю и получить отъ Бога особенное знаменіе, защищавшее его отъ умерщвленія каждымъ встрѣтившимся (Быт. 4, 10—16). Послѣ потопа вскорѣ устанавливается законъ, въ силу коего убійца человѣка долженъ платиться за убійство своею собственною жизнью. „Кто прольетъ кровь чело-

вѣческую, того кровь прольется рукою чело­вѣка: ибо чело­вѣкъ созданъ по образу Божию“ (Быт. 9, 6). Наказаніе убійцы предоставляется здѣсь чело­вѣку. И, конечно, мстите­лемъ за кровь, при тогдашнемъ состояніи чело­вѣчества, является прежде всего ближайшій родственникъ убитаго. Обязательность мести обща была древности. Теоклименьъ, убившій знаменитаго мужа въ Аргосѣ, скитается съ мѣста на мѣсто, „опасаясь встрѣтить гибель и мстящую Керу“ отъ руки многочисленныхъ близкихъ родственниковъ и братьевъ имъ убитаго¹⁾. Обычай мести кровавой существуетъ еще и теперь у многихъ народовъ. Въ особенной силѣ онъ у арабовъ на всемъ протяженіи занимаемой ими области отъ береговъ Нила и до Сеннаара. Таг—такъ называется у арабовъ обязанность мести за кровь—разсматривается у нихъ и какъ право и какъ строгая обязанность. За кровь отца долженъ отмстить сынъ, за кровь брата братъ или, за неимѣніемъ его, болѣе близкій родственникъ. Неисполни­шій этой строгой обязанности становился предметомъ обще­ственного презрѣнія,—его родные отрекались отъ него²⁾. Собственно у евреевъ мщеніе за кровь встрѣчается уже во время патріарховъ. Сыновья Іакова, Левій и Симеонъ, избиваютъ жителей Сихема и разграбляютъ городъ, отмщая за поруганную честь своей сестры Дины, которая (честь) была для нихъ дорога не менѣе самой жизни (Быт. 34). Моисей такимъ образомъ уже находитъ мщеніе за кровь въ своемъ народѣ. Въ своемъ законѣ онъ признаетъ его, но и дѣлаетъ попытку смягчить его строгость. Общее положеніе зако­на относительно мщенія за кровь такое: „кровь оскверняетъ землю, и земля не иначе очищается отъ пролитой на ней крови, какъ кровію пролившаго ее. Не должно осквернять землю, на которой вы живете, среди которой обитаю Я: ибо

1) Одиссея, гл. 15, 270—276. Переводъ Жуковскаго.

2) Vigouroux, Dictionnaire de la Bible. Paris. 1900. XVII, 261. 262.

Я Господь обитаю среди сыновъ Израилевыхъ“ (Числ. 35, 33. 34). Убийца челоѡѡка долженъ быть наказанъ такимъ образомъ смертью. Обязанность наказать убійцу лежитъ прежде всего на ближайшемъ родственникѣ убитаго, который называется мстителемъ за кровь (goel haddam. Числ. 35, 19. 21. 24. 25. Второз. 19, 6. 12). Законъ не обязываетъ мстителя за кровь убить непременно убійцу его родственника; онъ признаетъ только за нимъ существующее уже въ обычаѣ право совершить такое убійство и не наказываетъ его даже въ томъ случаѣ, если убитый имъ совершилъ свое убійство непреднамеренно, по неосторожности. Такъ „мститель за кровь самъ можетъ умертвить убійцу, лишь только встрѣтитъ его (Числ. 35 19). И при этомъ онъ не обязанъ различать между убійцею злонамереннымъ и невиннымъ. Совершенно ли убійство его родственника намеренно или безъ намеренія, онъ имѣетъ одинаковое право убить убійцу, если только его встрѣтитъ, и остается ненаказаннымъ (ст. 26. 27). Но законъ самъ уже дѣлаетъ различіе между убійцею намереннымъ и убійцею по неосторожности и, отдавая кровомстителю намереннаго убійцу для совершенія надъ нимъ казни, защищаетъ отъ него убійцу по неосторожности, ненамереннаго. Убійцѣ предоставляется убѣжать въ городъ убѣжища. Старѣйшины того города, гдѣ совершено убійство, должны разслѣдовать, совершенно ли убійство намеренно или ненамеренно. Если оказывалось, что убійство совершено намеренно, по враждѣ, то убійцу брали изъ города убѣжища и отдавали въ руки мстителя за кровь, чтобы онъ его умертвилъ (Втор. 19, 4—13). Если же оказывалось, что убійство совершено непреднамеренно, по неосторожности, то убійца такой оставляемъ былъ въ городѣ убѣжища и долженъ былъ жить тамъ до смерти первосвященника, при которомъ совершено такое убійство. Въ городѣ убѣжища онъ былъ безопасенъ отъ руки мстителя за кровь. Но если ранѣе смерти того первосвященника выходилъ изъ города

убѣжища, то встрѣтившійся съ нимъ мститель за кровь могъ убить его и самъ за это не былъ наказываемъ. Послѣ смерти первосвященника невинный убійца могъ выйти изъ города убѣжища, и если теперь убиваль его встрѣтившійся съ нимъ мститель за кровь, то послѣдній былъ уже наказываемъ, какъ убійца съ намѣреніемъ (Числ. 35, 20—29). Никакой выкупъ не могъ спасти виновнаго убійцу отъ смерти и невинному убійцѣ позволить жить безнаказанно внѣ города убѣжища прежде смерти того первосвященника, при жизни котораго совершено имъ убійство (Числ. 35, 31. 32). Изъ этихъ постановленій закона видно, какъ сильно было во время Моисея господство мести за кровь, и какъ родственники убитаго считали себя обязанными отмстить убійцѣ за кровь убитаго имъ ихъ родственника. Только укрытіе въ городѣ убѣжища до смерти первосвященника спасало невиннаго убійцу отъ руки кровомстителя. Есть основанія предполагать, что родственники убитаго мстили за смерть своего родственника и родственникамъ убійцы, хотя законъ прямо это воспрещалъ (Втор. 24, 16. 4 Цар. 14, 6; Іер. 31, 29. 30; Іез. 18, 20) ¹⁾. Исторія представляетъ много примѣровъ страшнаго господства мести за кровь. Адонивезеку, царю Везека, іудеи отсѣкли большіе пальцы на рукахъ и ногахъ его, и онъ видитъ въ этомъ отмщеніе со стороны Бога за то, что онъ самъ отсѣкъ большіе пальцы на рукахъ и ногахъ семидесяти царямъ (Суд. 1, 6. 7). Гедеонъ говоритъ царямъ мадіамскимъ Зевею и Салману, что онъ убиваетъ ихъ за то, что они убили его братьевъ. „Живъ Господь! если бы вы оставили ихъ въ живыхъ, я не убилъ бы и васъ“ (Суд. 3, 19). Насильственную смерть Авимелеха, побочнаго сына Гедеонова, писатель книги Судей объясняетъ такъ: „такъ воздалъ Богъ Авимелеху за злодѣяніе,

¹⁾ Арабы, не смотря на повелѣніе корана проливать кровь только того, кто самъ пролилъ кровь, распространяютъ свое мщеніе на фамилію убійцы до пятаго поколѣнія. Vigouroux, Dictionnaire... XVII, 264.

которое онъ сдѣлалъ отцу своему, убивъ семьдесятъ братьевъ своихъ“ (9, 56). Саулу повелѣвается истребить, такъ сказать, память Амалика съ земли за то, что онъ противосталъ Израилю на пути, когда онъ шелъ изъ Египта (1 Цар. 15). Трехлѣтній голодъ посѣщаетъ израильскую землю, ради Саула и его кровожаднаго дома, за то, что онъ умертвилъ гаваонитямъ, и прекращается только тогда, когда выданы были гаваонитянамъ и повѣшены были ими потомки Саула въ лицѣ двухъ его сыновей отъ наложницы Рицпы и пятерыхъ внуковъ, сыновей его дочери Меровы (2 Цар. 21). Страшная сила мести видна изъ словъ оекоитянки, посланной Іоавомъ къ Давиду ходатайствовать за Авессалома. У нея было два сына, они поссорились и одинъ убилъ другаго. Противъ убійцы возстало все родство и требуетъ его смерти, такъ что она можетъ лишиться обоихъ сыновей. Только царь можетъ спасти жизнь ея виновнаго сына (2 Цар. 14, 6—8). Авессаломъ убиваетъ брата своего въ отмщеніе за оскорбленную честь своей сестры и самъ убѣгаетъ къ своему тестю, царю гессурскому (2 Ц. 13). Давидъ, оставивъ въ свое время по извѣстнымъ ему соображеніямъ безъ наказанія Іоава и Семея, заповѣдуетъ предъ смертью Соломону наказать ихъ при первомъ неблаговидномъ съ ихъ стороны поступкѣ, и Соломонъ умерщвляетъ потомъ Іоава именно за тѣмъ, чтобы снять невинную кровь, пролитую имъ (Іоавомъ) съ себя и дома отца своего и чтобы Давиду, потомству его, дому его и престолу его былъ миръ отъ Господа на вѣки (3 Цар. 2, 32. 33. 45).

Живя среди такихъ понятій объ обязательности мщенія за кровь убитаго родственника, Іоавъ, очевидно, считалъ себя обязаннымъ отмстить Авениру за кровь убитаго имъ брата его Азаила, и нечего удивляться тому, что онъ при первомъ же удобномъ случаѣ умерщвляетъ Авенира. Писатель второй книги Царствъ хорошо знакомый съ возрѣніями своего народа, рассказывая объ умерщвленіи Авенира

Иоавомъ, объясняетъ его именно изъ мести Иоава за смерть своего брата. „И умеръ Авениръ, говоритъ онъ, за кровь брата Иоавова, Азаила“ (3, 27). „Иоавъ же и братъ его Авесса убили Авенира за то, что онъ умертвилъ брата ихъ, Азаила, въ сраженіи у Гаваона“ (ст. 30). Приобщая во второмъ мѣстѣ Авессу къ убійству Авенира, дѣеписатель усиливаетъ свое объясненіе этого убійства именно изъ мести. О какихъ-либо другихъ мотивахъ къ убійству онъ ничего не говоритъ.

Но убійство это совершено при такихъ обстоятельствахъ, которыя невольно заставляютъ изслѣдователей искать другихъ мотивовъ къ убійству, которые они и считаютъ главными, мечь же за кровь брата отодвигаютъ на задній планъ и считаютъ лишь предлогомъ къ убійству. Авениръ пришелъ въ Хевронъ, гдѣ онъ былъ убитъ, съ тѣмъ, чтобы предложить Давиду присоединеніе къ его царству израильскихъ колѣнъ, составлявшихъ царство Левосоея, сына Саулова, былъ радушно принятъ и угощенъ Давидомъ и былъ отпущенъ для приведенія въ исполненіе своего обѣщанія. Само собою понятно, что въ случаѣ исполненія обѣщанія Авениръ не останется вознагражденнымъ. Самою же желанною наградою для него, полководца, могло быть назначеніе его именно главнокомандующимъ войсками соединенныхъ израильтянъ и іудеевъ, т. е. то мѣсто, которое теперь занималъ у Давида Иоавъ. Посѣщеніе Хеврона Авениромъ происходило въ отсутствіе Иоава, который въ это время былъ въ какомъ то походѣ. Едва ли случаемъ можно объяснить это отсутствіе. Очень возможно, что посѣщеніе это устроено было нарочито въ отсутствіе Иоава именно за тѣмъ, чтобы дать возможность Авениру избѣжать опасной для него встрѣчи съ Иоавомъ. Да и объ упомянутомъ выше вознагражденіи Авенира можно было удобнѣе говорить въ отсутствіе Иоава. Когда Иоавъ узналъ о происшедшемъ въ его отсутствіе дружелюбномъ приѣмѣ Авенира Давидомъ и

цѣли его прихода,—а онъ узналъ очень скоро, Авениръ только что вышелъ изъ Хеврона,—онъ тотчасъ же поспѣшилъ къ Давиду и старался возбудить въ немъ подозрѣніе противъ искренности намѣреній Авенира. „Что ты сдѣлалъ? говорилъ онъ царю. Вотъ, приходилъ къ тебѣ Авениръ; зачѣмъ ты отпустилъ его и онъ ушелъ? Ты знаешь Авенира, сына Нирова; онъ приходилъ обмануть тебя, узнать выходъ твой и входъ твой и развѣдать все, что ты дѣлаешь“. Не успѣвъ заставить Давида возвратить Авенира, онъ самъ тотчасъ посылаетъ за нимъ гонцовъ, возвращаетъ его, надо полагать отъ имени царя, и въ воротахъ Хеврона, при участіи брата своего Авессы, коварнымъ образомъ убиваетъ его (2 Цар. 3, 20—27). Главнымъ побужденіемъ къ этому убійству была, говорятъ очень многіе, именно боязнь Іоава увидѣть въ Авенирѣ опаснаго для себя соперника и желаніе устранить его съ дороги; отмщеніе же за кровь своего брата было лишь предлогомъ. Уже Іосифъ Флавій говоритъ, что Іоавъ погубилъ Авенира, „по его собственнымъ словамъ въ отмщеніе за брата своего Азаила, умерщвленнаго Авениромъ, на самомъ же дѣлѣ изъ боязни, чтобы не лишиться военачальства и чести у своего государя и чтобы Авениръ не получилъ отъ Давида перваго достоинства степени“ ¹⁾. За что Іоавъ убилъ Авенира? спрашиваетъ блаженный Феодоритъ. И отвѣчаетъ: „Предлогомъ было убіеніе Азаила, а истинною причиною зависть. Ибо зналъ, что Авениръ будетъ удостоенъ военачальства, обративъ къ царю всѣхъ израильтянъ. Посему любоначалие вооружило Іоава на убійство“ ²⁾. „Показною причиною этого дѣла (убіенія Авенира „честолюбивымъ“ Іоавомъ) было кровомщеніе за своего, умерщвленнаго Авениромъ брата, худая причина, такъ какъ умерщвленіе послѣдовало на войнѣ и безъ вины

¹⁾ Іосифа Флавія Древности іудейскія. СПб. 1818. Изд. 4. Кн. 7, 1. 5.

²⁾ Творенія блаженнаго Феодорита. Москва. 1855. Ч. I. Стр. 374.

Авенира, — тайною — опасеніе Іоава, что Авениръ можетъ быть сравненъ съ нимъ или даже предпочтенъ ему“ ¹⁾. По словамъ Евальда, Іоавъ „могъ представлять дѣло такъ, какъ будто онъ совершилъ мщеніе за своего навшаго при Гаваонѣ брата Азаила“, но „внутренно онъ побуждаемъ былъ къ этому и завистью, такъ какъ онъ предполагалъ, а быть можетъ уже и зналъ, что Авениръ получить первое мѣсто въ царствѣ Давида“. ²⁾ „Подозрѣніе и злоба закипѣли въ его (Іоава) неукротимомъ сердцѣ, когда онъ узналъ о ласковомъ приѣмѣ Авенира Давидомъ“, говоритъ Богородскій. „Онъ рѣшился погубить Авенира во что бы то ни стало, потому что и подозрѣвалъ въ его замыслахъ опасное для себя, какъ перваго при Давидѣ, и ненавидѣлъ Авенира, какъ убійцу брата своего“. ³⁾ Подобнымъ образомъ, болѣе изъ опасенія за свое мѣсто, чѣмъ изъ мести за кровь брата, объясняютъ убійство Авенира Іоавомъ и многіе другіе: Кейль ⁴⁾, Гретцъ ⁵⁾, Вейсъ ⁶⁾, Лопухинъ ⁷⁾ и др.

Но если искать мотивовъ убійства Авенира Іоавомъ кромѣ мести за кровь Азаила, то, намъ кажется, можно найти и болѣе благородные, чѣмъ честолюбіе и властолюбіе. Мы видѣли уже, что сыновья Саруи оберегаютъ права, честь и спокойствіе Давида, стараясь устранять отъ него опасное и непріятное для него главнымъ образомъ мечомъ. Именно намѣреніе устранить отъ Давида возможныя въ будущемъ

¹⁾ Hengstenberg E. W. Geschichte des Reiches Gottes unter dem Alten Bunde. Berlin. 1871. Per. 2. Hälfte 2. S. 115.

²⁾ Ewald H. Geschichte des Volkes Israel. Göttingen, 1866. Ausg. 3. B. III. S. 160. 161.

³⁾ Еврейскіе царя. Стр. 146.

⁴⁾ Keil. Biblischer Commentar. Die Bücher Samuels. Leipz. 1864. S. 222—224.

⁵⁾ H. Grätz, Geschichte der Juden. Leipz. 1874. B. I. S. 232.

⁶⁾ Hugo Weiss, David und seine Zeit. Münster, 1880. S. 146.

⁷⁾ Библийская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Ветхій Заветъ. СПб. 1890, т. 2, стр. 170.

непріятности можно видѣть и въ убійствѣ Авенира Іоавомъ. Авениръ предлагаетъ Давиду подчинить ему израильскія колѣна царства Іевосеева на извѣстныхъ условіяхъ. „Заключи со мною союзъ, говоритъ онъ Давиду, и рука моя будетъ съ тобою, чтобы обратитъ къ тебѣ весь народъ израильскій“ (2 Цар. 3, 12). Давидъ соглашается заключить этотъ союзъ. Такимъ образомъ Давидъ-царь становится въ отношенія къ Авениру, которыя долженъ соблюдать, и нарушеніе которыхъ можетъ вызвать недовольство послѣдняго и стать источникомъ несчастій для перваго, т. е. Давида. При извѣстномъ честолюбіи Авенира, измѣняющаго теперь своему родственнику-царю, сдѣлавшему ему справедливый выговоръ, это было легко возможно, а при силѣ и большомъ значеніи его у израильскаго народа это было очень опасно. И вотъ Іоавъ, оставляя безъ вниманія настоящее положеніе дѣла, возможное мирное подчиненіе всего Израиля Давиду, и опасаясь несчастій для него въ будущемъ отъ его союза съ Авениромъ, сначала старается, такъ сказать, открыть Давиду глаза на Авенира, показать, что намѣренія Авенира нечисты, а потомъ предупреждаетъ, или думаетъ предупредить, возможные въ будущемъ несчастія, самовольно умертвивъ Авенира, вѣря въ звѣзду Давида и надѣясь, что Давидъ и безъ союза съ Авениромъ станетъ царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, такъ какъ пророкъ Самуилъ помазалъ его именно съ этимъ назначеніемъ¹⁾. Но такая услуга Іо-

¹⁾ „Благо Давида“ въ виду кажущейся ему подозрительною вѣрности Авенира и мести за кровь своего брата—мотивы, побудившіе Іоава умертвить Авенира, по мнѣнію Кёлера. Кёлеръ думаетъ даже, что Іоавъ не могъ считать вѣроятнымъ, чтобы Давидъ выисто него, побѣдоноснаго племянника, назначилъ военачальникомъ вениминянина Авенира, который въ послѣднее время несчастливо сражался (2 Цар. 2, 17; 3, 1) и вѣрность котораго была сомнительна“ Köhler August, Lehrbuch der biblischen Geschichte Alten Testaments. B. 11. S. 260. Anm. 3. Считалъ ли это назначеніе вѣроятнымъ Іоавъ, сказать не можемъ. Но что Давидъ, по политическимъ соображеніямъ, могъ сдѣлать это, это

ава была особенно некстати именно теперь. Колѣна израильскія, только что изъявившія желаніе присоединиться къ Давиду, услышавъ объ умерщвленіи Авенира, своего главнаго полководца и посредника въ договорѣ, полководцемъ Давида и въ самой столицѣ Давида, могли увидѣть въ этомъ злое коварство со стороны самого Давида и его самого винить въ этомъ убійствѣ¹⁾. Дѣло объединенія колѣнъ могло совершенно разстроиться. И Давидъ, какъ извѣстно, употребляетъ всѣ свои усилія на то, чтобы убѣдить народъ въ своей непричастности къ убійству Авенира. Онъ торжественно заявляетъ о своей непричастности къ этому убійству, призываетъ страшныя проклятія на Іоава и домъ отца его, устраиваетъ пышныя похороны Авенира, заставляя присутствовать при нихъ Іоава съ войскомъ, самъ идетъ за гробомъ, прославляетъ Авенира и не принимаетъ никакой пищи до захожденія солнца. „И узналъ весь народъ и весь Израиль въ тотъ день, что не отъ царя произошло умерщвленіе Авенира, сына Нирова“. Въ болѣе тѣсномъ кругу своихъ слугъ Давидъ нашелъ нужнымъ объяснить свое отношеніе къ Авениру, противоположное отношенію къ нему сыновей Саруи. Мѣсто, гдѣ говорится объ этомъ, читается обыкновенно такъ: „И сказалъ царь слугамъ своимъ: знаете ли, что вождь и великій мужъ палъ въ этотъ день въ Из-

показываетъ позднѣйшее назначеніе только что побѣжденнаго Амессая на мѣсто побѣдоноснаго Іоава (2 Цар. 19, 13. Ср. 17, 25; 18, 7).

¹⁾ Какъ и подозрѣваютъ его теперь нѣкоторые, напр., Зейнке, *Geschichte des Volkes Israel*. Göttingen. 1876. Th. I. S. 303; M. Duncker, *Geschichte des Alterthums*. В. II. S. 92. Но подозрѣвать Давида въ такомъ или иномъ участіи въ умерщвленіи Авенира Іоавомъ никоимъ образомъ нельзя. Авениръ еще не подчинилъ Давиду израильскія колѣна царства Іевосеева. Онъ вышелъ изъ Хеврона за тѣмъ еще, чтобы „собрать“ къ Давиду весь народъ израильскій, дабы онъ (народъ) вступилъ въ завѣтъ съ нимъ (Давидомъ)“, и только тогда Давидъ сталъ бы царствовать надъ нимъ (2 Цар. 3, 21). Слѣдовательно Давиду нужна была еще жизнь Авенира, а не его смерть. Weiss, *David*. S. 145. Anm. 1.

раиль? Я теперь слабъ (יָדָל) еще, хотя и помазанъ на царство, а эти люди, сыновья Саруи, сильнѣе (רַחֲמָיִם) меня; пусть же воздастъ Господь дѣлающему злое по злобѣ его“ (2 Цар. 3. 38, 39)! При такомъ чтеніи послѣдняго (39) стиха въ немъ какъ бы находится объясненіе того, почему Давидъ не наказалъ Иоава за коварное умерщвленіе имъ Авенира; причина этого заключалась въ томъ, что Давидъ чувствовалъ себя въ это время слабымъ въ сравненіи съ сыновьями Саруи. Такъ и понимаютъ это мѣсто большинство библеистовъ. „Наказать Иоава, какъ преступника, Давидъ не могъ, потому что послѣднее могло выйти горше перваго. Иоавъ былъ настолько значительнымъ лицомъ и по роду, и по занимаемому имъ положенію въ государствѣ, войско такъ было привязано къ нему (да и народъ, не смотря на его дерзкій нравъ, не могъ не цѣнить его заслугъ и безпорнаго патріотизма), что осудить его на смерть было бы опасно; тѣмъ болѣе, что у него былъ еще братъ Авесса, столь же рѣшительный и неукротимый, который непременно взялся бы отомстить кровь своего брата. Поэтому Давидъ только публично пожаловался на этихъ людей“ (ст. 39)¹⁾. „Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда и самый благонамѣренный и самый сильный царь, къ своему самому глубокому огорченію, чувствуетъ слабость всего человѣческаго и границы человѣческой верховной власти; потому что какъ много таковой долженъ оставлять безнаказаннымъ, чего онъ не простилъ бы, если бы онъ не былъ человѣческимъ слабымъ царемъ“²⁾. Но 1) русскій переводъ ст. 39 не передаетъ точно смысла еврейскаго текста. Еврейское слово יָדָל значить не „слабый“, какъ оно переведено, а нѣжный, тихій, снисхо-

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе царі. Стр. 147.

²⁾ Евальдъ. Geschichte. III. S. 161. Ср. Иосифъ Флав. Древности VIII, 1. 6. Eisenlohr, Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. 1855. Th. I. S. 238. Гретцъ, Geschichte, 1, 233. Stade, Geschichte, 1. 263.

дительный; равнымъ образомъ צָרָה , переведенное: „сильнѣе“, отъ צָר , быть сухимъ, безсочнымъ, въ другихъ мѣстахъ ветхаго завѣта нигдѣ не значить: сильный, могущественный, а постоянно: „жесткій“, „суровый“, „жестокосердый“¹⁾. 2) Давидъ едва ли могъ назвать себя только что помазаннымъ послѣ семилѣтняго царствованія въ Хевронѣ. 3) Самое сознаніе въ собственной слабости и боязни предъ своимъ полководцемъ не совсѣмъ удобно въ устахъ молодого, занятого широкими планами царя. Поэтому другіе предлагаютъ другое чтеніе и объясненіе ст. 39. Вейсь переводить этотъ стихъ такъ: „и я сегодня объять скорбью (мягокъ, weich), хотя помазанъ, какъ царь (т. е. стою далѣе отъ убитаго, чѣмъ вы); а тѣ люди, сыновья Саруи, суровѣе (härter) меня, пусть же воздастъ Господь дѣлающему зло по злобѣ его“²⁾. При такомъ чтеніи и объясненіи ст. 39 выходитъ, что въ немъ Давидъ указываетъ различное настроеніе чувства, въ которомъ находятся онъ и сыновья Саруи. Но дѣписатель не рассказываетъ ничего, изъ чего можно было бы заключать о настроеніи чувствъ Іоава и Авессы послѣ умерщвленія Авенира; къ рѣчи о настроеніи чувства Давида не подходятъ и слова: „помазанъ на царство (וּמָשַׁחַ מֶלֶךְ). Лучше, кажется, понимать слова ст. 39 не о различномъ настроеніи чувствъ, а о различномъ отношеніи Давида и сыновей Саруи къ Авениру. Болѣе точный переводъ этого стиха можетъ быть такой: „однако я оказываюсь сегодня снисходительнымъ и помазаннымъ, царемъ; напротивъ эти люди, сыновья Саруи, жестокосерднѣе меня; пусть же Господь воздастъ дѣлающему злое по злобѣ его“! Келеръ, которому принадлежитъ этотъ переводъ, поясняетъ его такъ. „Снисходительнымъ (linde) или кроткимъ (mild) Давидъ по-

¹⁾ Wilhelm Gesenius, Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. 12 Auflage. Leipzig. 1895. S. 706.

²⁾ David und Seine Zeit. S. 147.

казаль себя тѣмъ, что онъ позволилъ уйти безпрепятственно своею дорогою Авениру, который не только препятствовалъ доселѣ расширенію Давидова царства на весь Израиль и даже воевалъ съ нимъ, но и котораго Іоавъ выставлялъ предъ нимъ, какъ шпиона, слѣдовательно, не отмстилъ ему ни за прежнее, ни за послѣднее, и показалъ себя какъ помазанный, какъ царь, явивъ по отношенію къ Авениру подобающія царю великодушіе и вѣрность; напротивъ, его племянники показали себя жестокосерднѣе его, такъ какъ они совершили коварную и кровавую месть за прежнее преступленіе Авенира, относительно котораго можно было сказать нѣчто въ извиненіе“. Смыслъ всего этого мѣста можетъ быть такой: „сегодня палъ вождь и великій мужъ въ Израиль. И я показалъ себя въ отношеніи къ нему снисходительнымъ и великодушнымъ, какъ подобаеть помазанному царю; напротивъ, сыновья Саруи оказались жестокосерднѣе меня. Пусть же воздастъ Господь дѣлающему злое по злобѣ его!“

Думалъ-ли Давидъ въ настоящемъ случаѣ о наказаніи Іоава? Изъ страшнаго проклятія его и изъ позднѣйшаго наставленія относительно его Соломону можно заключать, что думалъ. Но исполненіе его въ настоящемъ случаѣ онъ предоставляетъ Богу. Нѣкоторые думаютъ, что, не наказавъ Іоава смертию, онъ все-таки не оставилъ его совсѣмъ безъ наказанія: именно онъ лишилъ будто бы его званія главнокомандующаго своими войсками. Послѣднее выводится изъ того, что при осадѣ Іерусалима, послѣдовавшей вскорѣ послѣ смерти Авенира, Давидъ обѣщаетъ сдѣлать главнымъ военачальникомъ того, кто прежде всѣхъ взойдетъ въ крѣпость іевусеевъ (1 Парал. 11, 6). Обѣщаніе это показываетъ-де, что Іоавъ, бывшій прежде военачальникомъ у Давида, теперь не былъ уже имъ и, слѣдовательно, „лишенъ былъ этого зва-

нія за убійство Авенира“¹⁾. Такое заключеніе намъ кажется постигшимъ. Іоавъ былъ доселѣ военачальникомъ только іудейскихъ войскъ. Такимъ онъ остается и теперь. Но послѣ воцаренія Давида надъ всѣмъ Израилемъ къ іудейскимъ войскамъ присоединяются и другія изъ другихъ колѣнъ и въ количествѣ несравненно большемъ. Правда, ихъ военачальникъ Авениръ убитъ и убитъ именно Іоавомъ, но у нихъ остались, конечно, и другіе видные начальники. Подчинить ихъ Іоаву, къ тому же убійцѣ Авенира, было бы нетактично со стороны Давида, а быть можетъ даже и опасно, тѣмъ болѣе, что и подчинялись они Давиду, быть можетъ, при условіи, что во главѣ ихъ останется Авениръ. И Давидъ избираетъ путь для избранія военачальника самый лучший и безпристрастный, предоставляя, такъ сказать, самому ему выказаться. Этому благопріятствовали и обстоятельства. Въ Хевронѣ собрались для воцаренія Давида старѣйшины всѣхъ колѣнъ съ своими войсками іудейскіе и израильскіе (1 Пар. 12, 23—40). На коронаціонныхъ торжествахъ рѣшено было завоевать крѣпость іевусеевъ. И, вотъ, всѣ войска подъ управленіемъ своихъ военачальниковъ отправляются къ ней. Во главѣ всѣхъ войскъ идетъ лично самъ Давидъ, который и заступаетъ мѣсто главнокомандующаго. Кто же изъ соподчиненныхъ ему военачальниковъ долженъ стать главнымъ надъ всѣми войсками, рѣшить это онъ предоставляетъ мужеству и храбрости каждаго. „И сказалъ Давидъ: кто прежде всѣхъ поразитъ іевусеевъ, тотъ будетъ главою и военачальникомъ. И взшелъ прежде всѣхъ Іоавъ, сынъ Саруи, и сдѣлался главою“ (1 Пар. 11, 6), въ каковомъ достоинствѣ признается онъ безпрепятственно и всѣми (2 Пар. 8, 16).

Такъ, думается намъ, можно объяснить умерщвленіе Авенира Іоавомъ безъ предположенія особеннаго съ его сто-

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 151.

роны честолюбія. Объяснять же и его геройскій подвигъ при осадѣ іевусейской крѣпости изъ одного честолюбія и чрезъ это умалять его значеніе (какъ дѣлаетъ одинъ молодой начинающій ученый) уже совершенно невозможно. Въ такомъ случаѣ каждаго военнаго героя нужно бы считать низкимъ честолюбцемъ.

Въ качествѣ главнаго полководца Іоавъ помогаетъ Давиду въ укрѣпленіи Іерусалима (1 Пар. 11, 8) и ведетъ побѣдоносныя войны. Писатель 2 книги Царствъ не упоминаетъ имени Іоава въ своемъ краткомъ описаніи войнъ съ филистимлянами, моавитянами, сирійцами и идумеянами (8, 1—14). Но, несомнѣнно, войны эти ведены были подъ главнымъ начальствованіемъ Іоава, какъ это и видно изъ 3 Цар. 11, 15. 16 относительно войны съ идумеянами (ср. Псал. 59, 2). Болѣе подробно онъ говоритъ о войнѣ съ аммонитянами, въ которой предводительствовалъ именно Іоавъ. Въ послѣдній годъ этой войны онъ совершилъ дѣло, за которое опять обвиняютъ его слишкомъ жестоко. Въ то время, когда онъ осаждалъ Равву, столицу аммонитскую, изъ Іерусалима пришло требованіе отъ царя прислать къ нему въ Іерусалимъ Урію Хеттеянина, одного изъ тридцати семи „сильныхъ“ Давидовыхъ. Въ требованіи этомъ не пояснялось, зачѣмъ понадобился Урія въ Іерусалимѣ. Предполагать, что Давидъ требовалъ его отъ Іоава именно „для донесенія о ходѣ войны“¹⁾, едва ли можно. Такимъ указаніемъ докладчика Давидъ напередъ отдавался до нѣкоторой степени въ руки Іоава и дѣлалъ его участникомъ своего темнаго дѣла пока еще безъ всякой нужды. Давидъ просто требуетъ къ себѣ Урію Хеттеянина. Іоавъ послалъ его. Чрезъ нѣсколько времени этотъ Урія явился назадъ съ письмомъ отъ царя къ Іоаву. Содержаніе письма было таково: „поставьте Урію

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе царя. Стр. 197. Лопухинъ. Библейская исторія. Т. II. Стр. 212.

тамъ, гдѣ будетъ самое сильное сраженіе, и отступите отъ него, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ“ (2 Цар. 11, 15). Иоавъ исполнилъ повелѣніе царя и, несомнѣнно, обставилъ убійство Уріи всѣми предосторожностями, чтобы не показалось, что оно было допущено намѣренно. Это послѣднее онъ долженъ былъ сдѣлать и для царя и для себя, чтобы не возбудить недовольства въ войскѣ. За это-то исполненіе царской воли и порицають нѣкоторые Иоава, видя въ немъ проявленіе самыхъ низкихъ чертъ въ его характерѣ: челоуѣкоугодничества, того же честолюбія и даже желанія, владѣя тайною царя, усилить свое вліяніе на него. „Иоавъ, готовый сдѣлать для царя все, чего бы онъ ни потребовалъ, кромѣ сложенія власти главнокомандующаго, въ точности исполнилъ предписаніе. Какъ долженъ былъ обрадоваться Иоавъ, говоритъ Генгстенбергъ, когда Давидъ снизошелъ до его собственной низости! Конечно, никогда онъ не исполнялъ порученія царя съ такимъ удовольствіемъ“¹⁾. Такое предположеніе злорадства со стороны Иоава по отношенію къ Давиду возможно только въ томъ случаѣ, если допустить вообще, что Иоавъ не былъ вѣрно и искренно преданъ Давиду и служилъ ему только изъ честолюбія. Но пока мы не имѣемъ данныхъ для такого допущенія. Пока мы видѣли, что онъ вѣрно служилъ ему и заботился объ его благѣ. И въ настоящемъ случаѣ мы думаемъ видѣть въ немъ вѣрнаго слугу царя, блюдушaго его интересы. Очень вѣроятно, что по прочтеніи рокового для Уріи письма у него явились вопросы: за что и почему? Невольно припомнилось, конечно, ему и то, что незадолго предъ этимъ податель сего письма вызываемъ былъ царемъ изъ войска въ Іерусалимъ, и опять явились вопросы: зачѣмъ и почему? Очень возможно, что для отвѣта на нихъ Иоавъ разспрашивалъ осторожно Урію о томъ, что съ нимъ было

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. 198. 199. Лопухинъ. Библейская исторія. Стр. 213.

въ Иерусалимѣ, и узналъ, что царь принялъ его любезно, разспрашивалъ о ходѣ войны, угощалъ обильно на дому и у себя, посылалъ домой ночевать и даже сдѣлалъ ему нѣчто въ родѣ выговора за то, что онъ не ходилъ домой, но онъ все-таки не ходилъ, т. е. Иоавъ узналъ то, что говорится о пребываніи Уріи въ Иерусалимѣ во 2-й книгѣ Царствъ. Изъ полученныхъ свѣдѣній онъ могъ видѣть желаніе царя направить Урію въ свой домъ къ женѣ и, быть можетъ, начиналъ догадываться даже о винѣ Уріи. Но что онъ долженъ былъ сдѣлать? Если бы онъ былъ вблизи царя, онъ, быть можетъ, такъ или иначе заступился бы за Урію. Но теперь онъ далеко отъ него и долженъ выполнить повелѣніе царя именно во время войны съ аммонитянами. Подозрѣвалъ или не подозрѣвалъ онъ дѣйствительную причину виновности Уріи, онъ во всякомъ случаѣ считалъ своею обязанностью исполнить повелѣніе царя такъ, чтобы смерть Уріи не показалась никому подозрительною. Онъ такъ и сдѣлалъ, хотя заплатилъ за это смертью не одного Уріи, а и другихъ (2 Цар. 11, 16. 17). Съ какими чувствами онъ сдѣлалъ это? Съ чувствомъ ли злорадства и удовольствія, какъ нѣкоторые думаютъ, или же съ чувствомъ неудовольствія и огорченія? Мы склонны предполагать послѣднее. Иоавъ оберегалъ интересы Давида, хотя, быть можетъ, иногда понимая ихъ по своему. О немъ нельзя сказать, что „онъ готовъ былъ сдѣлать для царя все, чего бы онъ ни потребовалъ, кромѣ сложенія власти главнокомандующаго“. Тамъ, гдѣ требовалъ интересъ царя и государства, какъ онъ самъ его понималъ, тамъ онъ дѣйствовалъ наперекоръ царской волѣ, подвергая себя явной опасности лишиться мѣста главнокомандующаго, какъ было это, на примѣръ, въ отношеніи къ мятежному Авессалому (о чемъ рѣчь будетъ ниже). Онъ желалъ, чтобы имя Давида стояло высоко среди его подданныхъ. Убіеніе Уріи этому не благоприятствовало и вызвало, нужно думать, неудовольствіе въ немъ, хотя онъ и долженъ былъ его выполнить. Это недо-

вольствіе видно изъ доклада Іоава царю о смерти Уріи. Онъ докладываетъ сначала о потеряхъ при осадѣ аммонитскаго города, чтобы дать царю почувствовать горечь отъ заповѣданнаго имъ образа дѣйствій и только тогда уже, когда эта горечь будетъ имъ испытана, сообщить ему и о смерти Уріи (2 Цар. 11, 19—24). Не это ли вынужденное, тайное пособничество въ умерщвленіи Уріи было позднѣе причиною или одною изъ причинъ того, что Іоавъ не хотѣлъ видѣть на престолѣ Давида сына его отъ Вирсавіи, Соломона?

Заднюю мысль льстеца-царедворца видятъ нѣкоторые и въ желаніи Іоава предоставить Давиду честь и славу окончательнаго завоеванія Раввы аммонитской ¹⁾. Продолжая осаду Раввы, Іоавъ овладѣлъ нижнимъ городомъ, расположеннымъ при водѣ ваді Амманъ, притока Іавока. Завоеваніе верхняго города, или крѣпости, стало теперь лишь вопросомъ времени. Завоеваніе этой-то крѣпости Іоавъ и предоставляетъ Давиду, приглашая его придти къ ней съ свѣжимъ войскомъ, дабы слава этого завоеванія досталась Давиду, а не ему: „ибо, если я возьму его, писалъ онъ царю, то мое имя будетъ наречено ему“ (2 Цар. 12, 28). Въ этомъ-то предложеніи и видятъ выраженіе лести царю со стороны царедворца. Мы, съ своей стороны, видимъ здѣсь выраженіе общаго, присущаго Іоаву, добраго и искренняго желанія всячески способствовать прославленію и возвышенію трона и имени Давида. Это желаніе могло особенно усилиться у него, если онъ дѣйствительно заподозрѣлъ нѣчто недоброе въ умерщвленіи Уріи. Слава личнаго завоеванія аммонитской столицы могла ослабить дурное впечатлѣніе отъ дурнаго поступка Давида.

Грѣхонападеніе Давида съ Вирсавіею послужило если не причиною, то началомъ бѣдствій, наполнившихъ вторую по-

¹⁾ Lesétre, Dictionnaire, XXI, 1547.

ловину его царствованія. И Иоавъ выступаетъ здѣсь опять именно какъ охранитель интересовъ Давида и его государства, хотя иногда, повидимому, наперекоръ волѣ Давида.

Такъ, Иоавъ выступаетъ въ дѣлѣ Авессалома сначала какъ ходатай за него предъ отцомъ его, а потомъ какъ убійца его вопреки волѣ отца. Авессаломъ, отмщая за поруганную честь своей сестры Тамари, убиваетъ своего брата Амнона и, спасая себя отъ наказанія со стороны своего отца, убѣгаетъ къ своему дѣду по матери, царю гессурскому. Съ теченіемъ времени гнѣвъ Давида на Авессалома прошелъ, а къ концу трехлѣтняго пребыванія его тамъ „сердце царя обратилось къ Авессалому“ (2 Цар. 14, 1). Это измѣненіе въ чувствахъ отца къ сыну замѣтилъ Иоавъ и явился ходатаемъ за Авессалома. Но по какимъ побужденіямъ? Нѣкоторые и здѣсь видятъ со стороны Иоава честолюбіе. Авессаломъ былъ теперь старшимъ сыномъ и, слѣдовательно, наиболѣе вѣроятнымъ преемникомъ Давида на царствѣ, почему Иоавъ и старался-де напередъ заручиться его милостью. „По причинѣ этого права старшинства, хитрый политикъ предвидѣлъ въ немъ наслѣдника Давида и старался напередъ пріобрѣсти его благорасположеніе“ ¹⁾. Но дальнѣйшія отношенія Иоава къ Авессалому не оправдываютъ такого предположенія. Если бы Иоавъ ходатайствовалъ за Авессалома по указаннымъ выше соображеніямъ, то, нужно думать, онъ постарался бы поскорѣе о полномъ примиреніи его съ Давидомъ по возвращеніи его въ Іерусалимъ. А между тѣмъ онъ, испросивши ему позволеніе возвратиться въ Іерусалимъ и даже самъ приведши его сюда, совершенно игнорируетъ его здѣсь, отказывается даже являться къ нему по его приглашенію. Изъ такого отношенія Иоава къ Авессалому нельзя даже заключать объ особен-

¹⁾ Lesétre, Dictionnaire... 1547. Лопухинъ, Библейская исторія, II, стр. 225.

номъ благорасположеніи перваго къ послѣднему ¹⁾). Ходатайство Іоава за Авессалома, какъ оно представлено въ книгѣ Царствъ (2 Цар. 14, 1—24), объясняется хорошо г. Богородскимъ. „Іоавъ замѣтилъ, говоритъ дѣписатель, что сердце царя обратилось къ Авессалому“, т. е., поясняетъ г. Богородскій, „Давида начало тревожить то, что сынъ его живетъ въ изгнаніи. Но онъ не рѣшался сдѣлать основаніемъ его возвращенія одно свое желаніе, потому что боялся уже руководиться однимъ своимъ родительскимъ чувствомъ тамъ, гдѣ нужно дать мѣсто и холодному разсудку, который, онъ чувствовалъ это, не могъ простить Авессалому его преступленіе. Поэтому онъ ждалъ почина отъ лицъ постороннихъ, чтобы ихъ вмѣшательствомъ оправдать себя въ глазахъ свѣта и въ своихъ собственныхъ. Это замѣтилъ Іоавъ и, желая сдѣлать пріятное царю, прибѣгъ къ самой простой хитрости, чтобы явилось нѣчто въ родѣ ходатайства за Авессалома отъ постороннихъ лицъ. Онъ подговорилъ одну смѣлую и находчивую женщину явиться къ царю въ качествѣ просительницы за своего сына, невольнаго убійцу, которому грозила смерть отъ неумолимыхъ мстителей крови (т. е. отъ родственниковъ убитаго), и въ разговорѣ искусно навести царя на мысль, что и ему слѣдовало бы тоже простить своего сына, преступника“ ²⁾). Хитрость Іоава удалась, и онъ самъ, по повелѣнію царя, возвратилъ Авессалома въ Іерусалимъ. Единственнымъ побужденіемъ для Іоава въ этомъ ходатайствѣ могло быть именно только желаніе доставить пріятное царю, на которое Іоавъ тѣмъ легче могъ рѣшиться, что преступленіе Авессалома извинялось до нѣкоторой степени обычаемъ мести. Удовлетворивъ желанію царя возвращеніемъ Авессалома въ Іерусалимъ, Іоавъ уже не заботится болѣе о послѣднемъ, и только насиліе со

¹⁾ Какъ думаетъ Евальдъ. Geschichte. III, 235.

²⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. 211—212.

стороны Авессалома заставляет его идти къ царю по дѣлу Авессалома. Но и на этотъ разъ Іоавъ не ходатайствуетъ за него предъ царемъ, а просто пересказываетъ ему то, что говорилъ ему Авессаломъ. Давидъ простилъ Авессалома. Такъ ни откуда не видно, чтобы Іоавъ возвратилъ Авессалома въ Іерусалимъ съ заднею мыслію напередъ расположить къ себѣ его, какъ будущаго наслѣдника престола. Онъ возвратилъ его только за тѣмъ, чтобы сдѣлать пріятное Давиду. ¹⁾

Испросивъ у Давида возвращеніе Авессалома и считая себя до нѣкоторой степени виновникомъ полнаго его прощенія, Іоавъ какъ бы принимаетъ на себя отвѣтственность за дальнѣйшее его поведеніе. Когда, поэтому, онъ оказался измѣнникомъ-бунтовщикомъ противъ царя-отца, онъ убиваетъ его собственными руками вопреки прямой, хорошо ему извѣстной, волѣ царя пощадить его жизнь. И здѣсь опять поднимаютъ и рѣшаютъ различно вопросъ о мотивахъ, побудившихъ Іоава умертвить Авессалома вопреки волѣ царя. Одни здѣсь видятъ месть за матеріальные убытки. „Его (Авессалома) прежній другъ Іоавъ пылалъ, вѣроятно, уже съ очень давняго времени, ненавистью противъ царскаго сына, быть можетъ, изъ-за незначительной порчи его имущества (2 Цар. 14, 30), а можетъ быть изъ-за того, что послѣ примиренія съ Давидомъ онъ былъ игнорированъ

¹⁾ Изъ этого случая съ Авессаломомъ и рѣчи женщины предъ царемъ въ его защиту видно сильное господство въ израильскомъ народѣ обычая кровавой мести. Благодаря ему, женщина можетъ въ короткое время лишиться обоихъ своихъ сыновей: одного, убитаго братомъ въ ссорѣ, и другого, наказаннаго за кровь своего брата; Авессаломъ отмщаетъ своему брату смертью за поруганную имъ честь своей сестры и самъ, избѣгая мщенія за кровь, убѣгаетъ въ другую страну. Но видно также и то, что царская власть начинаетъ уже вносить нѣкоторое смягченіе въ эту страшную область кровавой мести: женщина находитъ возможнымъ искать защиты своему сыну отъ кровомстителей у царя, и царь даетъ ей обѣщаніе сохранить жизнь ея сыну-убійцѣ. Получаетъ прощеніе и Авессаломъ, наполовину виноватый.

имъ“¹⁾. Другіе объясняютъ умерщвление Авессалома опасеніемъ Іоава, что Авессаломъ, если онъ останется въ живыхъ и сдѣлается царемъ, не только не оставитъ его главнокомандующимъ, но и лишитъ его жизни за только-что нанесенное ему пораженіе²⁾. Но гораздо вѣроятнѣе третье объясненіе. Іоавъ умерщвляетъ Авессалома, потому что опасается съ его стороны новыхъ безпокойствъ и возмущеній и для того, чтобы предупредить возможность появленія въ государствѣ новыхъ смуть съ его стороны³⁾. Опасаться ихъ онъ могъ на основаніи его предшествовавшаго поведенія.

Предупредить же ихъ онъ считалъ себя до нѣкоторой степени обязаннымъ, такъ какъ онъ былъ виновникомъ возвращенія въ Іерусалимъ этой безпокойной головы. Къ ходатайству за Авессалома склонило его прежде желаніе сдѣлать пріятное родительскому сердцу Давида. Теперь въ уступкѣ тому же родительскому чувству онъ видитъ опасную и даже преступную слабость и потому, не смотря на ясно выраженную волю царя, умерщвляетъ Авессалома, подвергая себя личной отвѣтственности предъ царемъ, который и дѣйствительно лишаетъ его званія главнокомандующаго (2 Цар. 19, 13; 20, 4. 5). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ честолюбіе Іоава во всякомъ случаѣ не играло роли. Іоавъ умерщвляетъ Авессалома, дабы положить конецъ возмущенію, успокоить государство. На первомъ планѣ стоитъ, такимъ образомъ, государственный интересъ.

Вѣсть о гибели Авессалома должна была сильно опечалить Давида и возбудить въ послѣднемъ гнѣвъ на Іоава. Это сознаетъ и самъ Іоавъ и въ дальнѣйшемъ своемъ по-

¹⁾ Weiss. David und seine Zeit. S. 235.

²⁾ Lesétre. Dictionnaire, 1547.

³⁾ Ewald, Geschichte. III. S. 253; Stade, Geschichte. I. S. 288. Богородскій, Еврейскіе цари, 233. Лопухинъ соединяетъ оба мотива и честолюбивый и государственной пользы. Библейская исторія. II. Стр. 248.

ведениі поступаетъ согласно съ этимъ сознаниемъ. Онъ не хочетъ вводить Давида въ заблужденіе относительно исхода дѣла съ Авессаломомъ и подвергать его разочарованію и старается отклонить гнѣвъ Давида отъ лица ему близкаго. Въ то древнее время, когда извѣстія передавались чрезъ нарочитыхъ вѣстниковъ, установился, кажется, обычай добрыя вѣсти передавать чрезъ однихъ вѣстниковъ, дурныя чрезъ другихъ, такъ что существовали добрые вѣстники и дурные вѣстники (Цар. 1. 42). При появленіи на горизонтѣ того или другого вѣстника уже напередъ догадывались о характерѣ приносимыхъ ими извѣстій. При предположеніи существованія такихъ различныхъ вѣстниковъ понятнымъ становится библейскій разсказъ объ извѣщеніи Іоавомъ Давида объ исходѣ сраженія съ Авессаломомъ. Послѣ сраженія, окончившагося гибелью Авессалома, „Ахимаасъ, сынъ Садока, сказалъ Іоаву: побѣгу я, извѣщу царя, что Господь судомъ своимъ избавилъ его отъ рукъ враговъ его. Но Іоавъ сказалъ ему: не будешь ты сегодня добрымъ вѣстникомъ; извѣстишь въ другой день; ибо умеръ сынъ царя“. Въмѣсто Ахимааса Іоавъ послалъ Хусія сообщить Давиду объ исходѣ сраженія. „Но Ахимаасъ настаивалъ и говорилъ Іоаву: что бы ни было, но и я побѣгу за Хусиемъ. Іоавъ отвѣчалъ (ему): зачѣмъ бѣжать тебѣ, сынъ мой? не принесешь ты доброй вѣсти. Пусть такъ, сказалъ Ахимаасъ, но я побѣгу. Тогда Іоавъ сказалъ ему: бѣги. И побѣжалъ Ахимаасъ другой дорогой и обогналъ Хусія“. Сторожъ, замѣтивъ издали Ахимааса, сообщилъ объ этомъ Давиду. „И сказалъ царь: это человекъ хорошій и идетъ съ хорошею вѣстью“. И Ахимаасъ оказался дѣйствительно добрымъ вѣстникомъ. Онъ сообщилъ Давиду только о счастливомъ исходѣ сраженія; на вопросъ же царя: благополученъ ли отрокъ Авессаломъ? отозвался невѣдѣніемъ, предоставивъ Хусію сообщить ему печальную вѣсть о смерти Авессалома. Весь этотъ эпизодъ съ вѣстниками открываетъ предъ нами душевное состояніе,

въ которомъ находился Іоавъ во время и послѣ умерщвленія Авессалома. Это состояніе серьезнаго размышленія и грусти. Изъ него не видно, чтобы Іоавъ умертвилъ Авессалома по побужденіямъ мести или честолюбія. Такое состояніе душевное вполне естественно у человѣка, который исполнилъ тяжелую обязанность и за которую онъ ждетъ себѣ не награды, а наказанія. Изъ него объясняется хорошо и выборъ вѣстниковъ и особенно та трогательная, сердечная нѣжность, съ которою онъ отклоняетъ Ахимааса отъ принимаемой имъ на себя непріятной обязанности сообщить царю печальную вѣсть: зачѣмъ бѣжать тебѣ, *сынъ мой?* не принесешь ты доброй вѣсти.

Вѣсть о смерти Авессалома дѣйствительно глубоко опечалила Давида. Онъ скрылся въ горницѣ надъ воротами и плакалъ неутѣшно. Войско, возвращавшееся съ поля побѣды съ ликованіями, скоро узнало о томъ, что Давидъ плачетъ объ Авессаломѣ, и стало какъ бы стыдиться своихъ ликованій. „И входилъ народъ въ городъ украдкою, какъ крадутся люди стыдящіеся, которые во время сраженія обратились въ бѣгство“. Положеніе было неестественное, не могло продолжаться долго и можно было опасаться волненія со стороны народа. Іоавъ, сознавая всю свою вину предъ царемъ, и теперь выступаетъ противъ него, но въ его же пользу, смѣло и, повидимому, даже грубо, показывая ему все неприличіе его поведенія. „И пришелъ Іоавъ къ царю въ домъ, и сказалъ: ты въ стыдъ привелъ сегодня всѣхъ слугъ твоихъ, спасшихъ нынѣ жизнь твою, и жизнь сыновей и дочерей твоихъ, и жизнь женъ и наложницъ твоихъ; ты любишь ненавидящихъ тебя и ненавидишь любящихъ тебя, ибо ты показалъ сегодня, что ничто для тебя и вожди, и слуги; сегодня я узналъ, что если бы Авессаломъ остался живъ, а мы всѣ умерли, то тебѣ было бы пріятнѣе. И такъ встань, выйди и поговори къ сердцу рабовъ твоихъ: ибо клянусь Господомъ, что, если ты не выйдешь, въ эту ночь не оста-

нется у тебя ни одного человѣка; и это будетъ для тебя хуже всѣхъ бѣдствій, какія находили на тебя отъ юности твоей донинѣ“. Больно было Давиду слышать это изъ устъ Іоава, убійцы его сына. Но устами его говорили правда и благо-разуміе и Давидъ послушался его. Онъ переломилъ себя, успокоился и вышелъ къ народу на площадь при городскихъ воротахъ (2 Цар. гл. 18—19, 8).

Такъ Іоавъ, умерщвляя Авессалома и обличая Давида за его неумѣстную при тогдашнихъ обстоятельствахъ сильную печаль о погибели Авессалома, снова стоитъ на стражѣ государственнаго спокойствія. Но эта его забота лично для него не обошлась на этотъ разъ благополучно. Онъ лишенъ былъ теперь же или нѣсколько позднѣе мѣста главнокомандующаго войсками Давида. Эго смѣщеніе послужило поводомъ къ новой смерти, виновникомъ которой былъ опять Іоавъ. На этотъ разъ честолюбіе Іоава выступаетъ, повидимому, такъ ясно, что защищать его отъ него какъ будто невозможно; тѣмъ не менѣе и здѣсь, кажется, можно ослабить его значеніе и указать болѣе благовидное объясненіе совершеннаго имъ убійства.

Со смертью Авессалома, главнаго виновника возмущенія противъ Давида, возмущеніе прекратилось. Израиль снова обратился къ Давиду. Мысль о возстановленіи Давида на царство явилась прежде всего у израильтянъ прежняго Іевосеева царства. Іудеи оставались пока въ сторонѣ. Почему? Нѣкоторые думаютъ, что колѣно Іудино „стыдилось своего поступка (т. е. возмущенія). Его представителямъ совѣстно было явиться на глаза Давиду съ повинной и съ предложеніемъ вѣрноподданства, сдѣлавшагося столь сомнительнымъ, и они медлили“¹⁾. Другіе думаютъ, что оно боялось мести со стороны Давида зачинщикамъ мятежа, особенно главно-

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 238.

командующему Амессаю¹⁾). Но возможно и иное объясненіе. Колѣно Іудино подняло возмущеніе изъ недовольства тѣмъ, что Давидъ не оказывалъ ему предпочтенія предъ другими колѣнами. Причина эта оставалась и теперь. Недовольное прежде, оно и теперь не имѣло того, чѣмъ бы быть ему довольнымъ. Очень возможно, что оно заняло выжидательное положеніе. Давидъ, узнавши о намѣреніи сѣверныхъ колѣнъ возвратить его на престолъ и не видя этого со стороны Іудина колѣна и желая положить скорѣе конецъ смутѣ, самъ обращается къ нему чрезъ посредство Садока и Авіаѳара съ приглашеніемъ присоединиться къ нему и дѣлаетъ это, по видимому, въ томъ духѣ, какого оно давно желало. Онъ повелѣлъ сказать Іудеямъ: „вы братья мои, кости мои и плоть моя вы: зачѣмъ хотите вы быть послѣдними въ возвращеніи царя въ домъ его? И Амессаю скажите: не кость ли моя и плоть моя ты? Пусть то и то сдѣлаетъ со мною Богъ, и еще больше сдѣлаетъ, если ты не будешь, военачальникомъ при мнѣ, вмѣсто Іоава навсегда“ (2 Цар. 19, 12. 13)! Такое нарочитое упоминаніе со стороны Давида о своей особенной близости къ колѣну Іудину и прямое обѣщаніе бывшаго у нихъ въ то время въ почетѣ Амессая поставить своимъ военачальникомъ, какъ бы доказательство фактическое этой близости, возымѣло свое дѣйствіе; старѣйшины Іудины послали приглашеніе Давиду возвратиться, а представители его въ своемъ усердіи къ Давиду превзошли даже представителей сѣверныхъ колѣнъ. Кажется, было условлено всѣмъ ожидать царя на западной сторонѣ Іордана въ Галгалѣ. Здѣсь и ожидали его представители сѣверныхъ колѣнъ; представители же іудеевъ, пришедши въ Галгалъ ранѣе другихъ, не остановились здѣсь, а перешли на восточную сторону Іордана и сопровождали царя при его переправѣ черезъ Іорданъ. Это усердіе іудеевъ къ царю, выходившее за предѣлы условлен-

¹⁾ Köhler, Lehrbuch... II. S. 357.

наго, такъ сказать, церемоніала, возбудило въ остальныхъ израильтянахъ подозрѣніе въ ихъ корыстныхъ видахъ, ропотъ, недовольство и въ концѣ концовъ возмущеніе, во главѣ котораго сталъ веніаминянинъ Савей. Подавить это возмущеніе Давидъ поручаетъ Амессаю, ставя его, такимъ образомъ, фактически главнокомандующимъ вмѣсто Іоава. Онъ именно повелѣваетъ созвать ему іудеевъ въ теченіе трехъ дней и съ ними явиться въ Іерусалимъ. Но Амессай не выполнилъ даннаго ему порученія въ назначенное время. Дальнѣйшее замедленіе могло быть опасно. Савей съ своими мятежными толпами могъ занять крѣпкіе города и отсюда овладѣть страшною. Въ такомъ затруднительномъ положеніи Давидъ нашелъ себя вынужденнымъ обратиться, кажется, снова къ Іоаву ¹⁾

¹⁾ По теперешнему чтенію еврейскаго текста и большинства переводовъ Давидъ далъ порученіе преслѣдовать Савея не Іоаву, а брату его Авессѣ (2 Цар. 20, 6) и такимъ образомъ продолжалъ бы оставаться при своемъ рѣшеніи устранить Іоава отъ какого бы то ни было начальствованія надъ войскомъ. Такъ понимаетъ это мѣсто большинство библействовъ: Евальдъ, *Geschichte*. III, 262; Weiss, *David*. S. 242; Stade, *Geschichte*. S. 291; Богородскій. *Евр. цари*, 214; Лопухинъ, *Библейская исторія*. II, стр. 256 и другіе. Но это чтеніе, соглашаясь съ 2 Цар. 19, 13, не совпадаетъ, повидимому, съ ближайшимъ контекстомъ рѣчи въ гл. 20-й. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о преслѣдованіи Савея Іоавъ является не просто участникомъ, но именно главнымъ лицомъ въ отрядѣ. Онъ встрѣчается съ Амессаемъ (ст. 8—10), одинъ изъ его отроковъ становится возлѣ труна Амессая и взываетъ къ народу: „тогъ, кто преданъ Іоаву и кто за Давида, пусть (идеть) за Іоавомъ“ (ст. 11); и народъ израильскій идетъ вслѣдъ за Іоавомъ (ст. 13); люди, бывшіе съ Іоавомъ, старались разрушить городскую стѣну (ст. 15); умная женщина, жительница города, ведетъ переговоры о пощадѣ города съ Іоавомъ (17—21); отсѣченную голову Савея жители города бросаютъ Іоаву. Объ Іоавѣ говорится, что послѣ снятія осады города онъ, „Іоавъ, возвратился въ Іерусалимъ къ царю“ (22). Понять такую рѣчь дѣписателя, при предположеніи, что порученіе преслѣдовать Савея дано было царемъ не Іоаву, а Авессѣ, можно только при помощи особыхъ поясненій. Такъ можно предполагать, что Давидъ далъ Авессѣ порученіе преслѣдовать Савея, но не могъ воспрепятствовать тому, что преслѣдованіе совершилъ вмѣсто Авессы Іоавъ; или что Давидъ повелѣлъ Авессѣ выйти вмѣстѣ съ Іоавомъ, но дѣписатель, желая быть краткимъ, не сдѣлалъ при этомъ никакого упоминанія объ Іоавѣ; или что Іоавъ добровольно вышелъ съ своимъ братомъ и потомъ въ силу своего прежняго

и повелѣлъ ему отправиться для преслѣдованія Савея съ личными силами. Иоавъ безпрекословно принялъ это порученіе и отправился въ преслѣдованіе съ своими людьми, хелееями и фелееями и всѣми храбрыми (гибборимами); вмѣстѣ съ нимъ отправился и братъ его Авесса. Вблизи большого камня у Гаваона онъ встрѣтился съ Амессаемъ, который, надо полагать, съ собраннымъ имъ войскомъ, шель въ Іерусалимъ. Встрѣча была, повидимому, самая любезная. Иоавъ освѣдомился о здоровьи Амессая, назвавъ его своимъ братомъ, правою рукою взялъ его за бороду, чтобы поцѣловать его, а лѣвою такъ поразилъ его мечомъ въ животъ, что выпали внутренности его на землю, и онъ умеръ. Послѣ этого Иоавъ и Авесса погнались за Савеемъ и осадили его въ Авель-Бео-Маахъ. Такъ какъ имъ нуженъ былъ только Савей, то, получивъ его голову, они сняли осаду города. Иоавъ возвратился къ царю и снова сталъ главнокомандующимъ (2 Цар. 20, 22. 23), каковымъ и оставался уже до смерти Давида.

Повидимому, въ этомъ умерщвленіи Амессая главною и единственною пружиною было честолюбіе Иоава: Иоавъ убилъ Амессая именно, какъ своего соперника, чтобы устранить его съ дороги своей. Такъ объясняютъ это убійство всѣ библеисты, даже Кёлеръ, который не ставитъ честолюбія Иоава въ числѣ мотивовъ къ умерщвленію Авенира¹⁾. Но и здѣсь можно, кажется, обойтись безъ этого личнаго честолюбія, или, по крайней мѣрѣ, можно поставить его на второй планъ. Усердіе къ Давиду и забота о благѣ его и спокойствіи го-

выдающагося положенія само собою занялъ первенствующее положеніе. Köhler, Lehrbuch. II. S. 361. 362. Anm. 3. Всѣ эти объясненія страдают нѣкоторою искусственностью, натаиутостью. Поэтому, быть можетъ, лучше признать правильнымъ чтеніе перевода сирійскаго Пешито, въ которомъ въ 2 Цар. 20, 6, вмѣсто Авессы стоятъ имя Иоава. Такъ читаетъ это мѣсто Іосифъ Флавій. Древн. VII, 10. 6. Такъ читаютъ его Кёлеръ и нѣкоторые другіе.

¹⁾ Lehrbuch. 11. 362 ср. 260.

сударства и здѣсь, по нашему мнѣнію, стоятъ у Іоава на первомъ мѣстѣ. Еще прежде возмущенія Савея, чтобы склонить на свою сторону упорствовавшихъ или выжидавшихъ іудеевъ и Амессая, стоявшаго во главѣ ихъ, Давидъ обѣщаетъ, какъ мы уже говорили, поставить послѣдняго военачальникомъ вмѣсто Іоава навсегда. Послѣднее обѣщаніе могло быть въ то время тактичнымъ со стороны Давида: Амессай былъ у Авессалома начальникомъ всѣхъ его войскъ, состоявшихъ изъ всего Израиля. Поставленіе этого военачальника во главѣ войскъ Давидовыхъ теперь, послѣ пораженія Авессалома и во время возвращенія Израиля къ Давиду, могло казаться уступкою со стороны царя не іудеямъ только, но и израильтянамъ другихъ колѣнъ, бывшимъ недавно подъ его командованіемъ. Общему благу мира Давидъ какъ бы жертвовалъ Іоавомъ, правда вѣрнымъ и преданнымъ слугою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне своевольнымъ¹⁾. Иное дѣло было

¹⁾ Отношеніе Давида къ Іоаву и Амессаю вызываетъ біблеистовъ на различныя объясненія. Такъ Дункеръ, *Geschichte*, II, 110, думаетъ, что Давидъ далъ Амессаю коварно неискреннее обѣщаніе, не думая его исполнять. Сравни. *Seinecke Geschichte*, s. 321. Но противъ такого объясненія говорятъ 2 Цар. 19, 10—13 20, 4 и еще яснѣе 3 Цар. 2, 5. Штаде думаетъ, что Давидъ обѣщалъ Амессаю мѣсто Іоава, или будучи ослабленъ низкою мѣстью по отношенію къ Іоаву, или руководясь недостойнымъ расчетомъ послѣдствій (*Geschichte*, I, s. 290). И Кейль (*Die Bucher Samuels*, s. 322) высказывается въ томъ смыслѣ, что въ своемъ тогдашнемъ положеніи Давидъ долженъ бы умѣрить свой гнѣвъ на Іоава. Но назначеніе Амессая было, какъ мы уже говорили, мѣрою политическаго благоразумія, каковою оно и оказалось вначалѣ, приведши къ Давиду іудино колѣно. Такъ на него и смотрятъ Евальдъ (*Geschichte*, III, 258) и Көһлер (*Lehrbuch*, II, s. 357—9. Anm. 3) и др. Отрѣшеніе Іоава отъ должности также не можетъ быть названо несправедливостью по отношенію къ нему. Каждый древній и особенно каждый восточный царь хорошо сознавалъ, что онъ во всякое время совершенно свободно можетъ назначить и отставить каждаго изъ своихъ чиновниковъ. Это знаютъ и сами назначаемые имъ и никто не находитъ въ этомъ соблзана. По отношенію къ Іоаву Давидъ имѣлъ и нѣкоторое нравственное право отставить его. Несомнѣнно Іоавъ оказалъ большія услуги Давиду и его царству. Но онъ совершилъ и тяжкія преступленія, навлекавшія на него тяжелыя наказа-

порученіе Амессаю преслѣдовать Савея и подавить возмущеніе израильтянъ. Возмущеніе это вышло изъ подозрѣнія привиллегій, данныхъ Давидомъ колѣну Іудину въ ущербъ другимъ колѣнамъ. Появленіе Амессая теперъ во главѣ усмирителей могло дѣйствовать наоборотъ, не успокаивать, а возбуждать страсти. Теперъ, наоборотъ, именно смерть, или по крайней мѣрѣ устраненіе Амессая изъ отряда, преслѣдующаго Савея, могло успокоить страсти. Устранить это препятствіе, именно умертвивъ Амессая, и беретъ Іоавъ на свой рискъ и дѣлаетъ это, или по крайней мѣрѣ думаетъ дѣлать для блага царя и спокойствія народнаго. Смерть Амессая могла казаться въ глазахъ Іоава заслуженною карою измѣнника, возставшаго на помазанника Божія. Подобная расправа была совершенно въ духѣ сыновъ Саруиныхъ. Незадолго предъ этимъ Авесса, его братъ, требовалъ смерти Семенею, злословившему прежде Давида и теперъ явившемуся къ нему съ повинною, и, по всей вѣроятности, умертвилъ бы его, если бы встрѣча съ нимъ произошла не на глазахъ царя (2 Цар. 19, 21. 22). Подобнаго рода местию за царя, оскорбленнаго Амессаемъ, руководился, надо полагать, и Іоавъ, умерщвляя Амессая. Какъ бы то ни было смерть Амессая, повидимому, оказалась успокоительнымъ средствомъ. По крайней мѣрѣ не видно, чтобы она произвела въ народѣ недовольство. Поставленный у трупа Амессая отрокъ Іоава кричалъ: „кто преданъ Іоаву

нія. Онъ своевольно убилъ Авенира и тѣмъ привелъ тогда Давида въ сильное смущеніе. Онъ недавно убилъ Авессалома вопреки ясно выраженной волѣ царя. „Это послѣднее было для Давида тѣмъ чувствительнѣе, что оно не только лишило его одного изъ его сыновей, но и самымъ тяжкимъ образомъ вредило царскому авторитету, такъ какъ весь народъ слышалъ повелѣніе царя пощадить жизнь Авессалома (2 Цар. 18, 5. 11. 12). Такое преступленіе и никакой царь, даже настоящаго времени, не оставилъ бы не наказаннымъ даже для высоко заслуженнаго генерала; царская немилость и отрѣшеніе отъ должности были бы его слѣдствіемъ“. Köhler, Lehrbuch, II, 357—9. Anm. 3. Ср. Евальдъ, 111. 258 Богородскій, Еврейскіе цари 239; Лопухинъ. Биба. Исторія, II, 251.

и кто за Давида пусть идетъ за Иоавомъ“, и народъ, слыша имя Иоава, внушавшее болѣе надежды на побѣду, чѣмъ имя Амессая, тотчасъ же переходилъ на его сторону и присоединялся къ преслѣдовавшимъ Савея. Такъ Иоавъ становится начальникомъ войска изъ всего Израиля, полагаетъ конецъ возмущенію и возвращается въ Иерусалимъ къ царю. Давидъ, конечно, не могъ не быть благодарнымъ за успокоеніе страны и оставилъ его самого въ должности главнокомандующаго, хотя новое его самовольное умерщвленіе Амессая произвело на него глубокое, тяжелое впечатлѣніе (3 Цар. 2, 5).

Несомнѣнно патріотичнымъ, проникнутымъ заботою о благѣ царя и спокойствіи государства, является поведеніе Иоава въ дѣлѣ переписи еврейскаго народа, задуманной Давидомъ. Намъ нѣтъ нужды говорить о томъ, что именно имѣлъ въ виду Давидъ, задумавъ пересчитать народъ. Задумывалъ ли онъ какой-либо военный походъ, на примѣръ, противъ Египта ¹⁾, или вообще хотѣлъ знать состояніе своихъ военныхъ силъ ²⁾, или же думалъ обложить народъ податью и вообще хотѣлъ нѣсколько подтянуть бразды правленія ³⁾. Для насъ важно то, что эта перепись была несимпатична народу и могла дать поводъ къ народному возмущенію. Перепись народа всегда и вездѣ возбуждаетъ недовольство въ народѣ и нерѣдко сопровождается такими или иными волненіями, потому что за нею всегда предполагается что-нибудь недоброе для переписываемыхъ. Такимъ взглядомъ на перепись объясняется, быть можетъ, и то, что по закону Моисееву всякій, поступающій въ исчисленіе, долженъ давать половнику сикля священнаго въ приношеніе Господу, для выкупа души своей. „И сказалъ Господь Моисею, говоря: когда будешь дѣлать исчисленіе сыновъ Израи-

¹⁾ Гретцъ, *Geschichte*, I. S. 269,

²⁾ Köhler, *Lehrbuch*, II. 325.

³⁾ Ewald, *Geschichte*, III. S. 218. Богородскій, *Еврейскіе царя*, 263.

левыхъ при пересмотрѣ ихъ; то пусть каждый дастъ выкупъ за душу свою Господу при исчисленіи ихъ, и не будетъ между ними язвы губительной при исчисленіи..., всякій, поступающій въ исчисленіе долженъ давать половину сикля священнаго... въ приношеніе Господу для выкупа душъ вашихъ“ (Исх. 30, 11—16). И римляне приносили умиловительныя жертвы предъ исчисленіемъ народа (census) ¹⁾. Иоавъ, какъ ближе стоявшій къ народу, предвидѣлъ возможныя волненія и даже возмущенія въ народѣ, для подавленія коихъ можетъ понадобится даже военная сила, и старался отклонить Давида отъ задуманной имъ переписи въ выраженіяхъ умѣренныхъ и почтительныхъ. „Да умножить Господь народъ свой во сто разъ противъ того, сколько есть его, говорилъ онъ царю. Не всё ли они, господинъ мой, рабы господина моего? Для чего же требуетъ сего господинъ мой? Чтобы вмѣнилось это въ вину Израилю“ (1 Пар. 21, 3 ср. 2 Цар. 24, 3). Изъ словъ Иоава: „не всё ли они рабы господина моего“ можно заключать, что, по мнѣнію Иоава, а быть можетъ и всего народа, если считать Иоава выразителемъ народнаго мнѣнія, перепись предпринималась именно для ограниченія какихъ-либо правъ народа, для болѣе прочнаго имъ управленія. Изъ словъ же: „для чего требуетъ сего господинъ мой? Чтобы вмѣнилось это въ вину Израилю?“ видно, что Иоавъ именно опасался со стороны народа сопротивленія переписи, потому что въ такомъ только случаѣ перепись могла вмѣниться въ вину народу, за которую онъ долженъ былъ понести наказаніе. Ожиданіе сопротивленія со стороны народа слѣдуетъ и изъ того, что для совершенія переписи Иоавъ „пошелъ съ военачальниками“, т. е. во главѣ нѣсколькихъ отрядовъ воиновъ, конечно, на случай возмущенія народа. Опасаясь волненій въ народѣ и желая спокойствія странѣ, Иоавъ старал-

¹⁾ Seinecke, Geschichte, I. S. 325.

ся отклонить Давида отъ переписи. Очевидно, въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду только благо самого царя и спокойствіе народа. Но слово царя превозмогло, и Иоавъ, какъ ни „противно было ему это царское слово“, пошелъ его выполнять. При самомъ исполненіи онъ дѣлаетъ все для того, чтобы оно произошло по возможности спокойно. Онъ начинаетъ обходъ съ заіорданской страны, „которая отличалась наиболѣе спокойнымъ характеромъ и преданностью власти сравнительно съ другими областями и потому, не оказавъ сопротивленія, могла показать примѣръ повиновенія другимъ“ ¹⁾). Съ южной границы онъ перешелъ къ сѣверной, отсюда перешелъ на западную сторону Іордана и, начиная съ самага сѣвера ея, прошелъ до юга ея, до Вирсави, крайняго южнаго пункта колѣна Іудина. Девять мѣсяцевъ и двадцать дней употребилъ онъ на этотъ обходъ. Но все-таки „левитовъ и веніаминянъ онъ не исчислилъ, потому что, замѣчаетъ дѣеписатель, царское слово было противно Иоаву“ (1 Пар. 21, 6).—Нужно думать, потому что если онъ могъ еще полагаться на прочія колѣна, то „левитовъ и веніаминянъ оставилъ въ покоѣ, такъ какъ по отношенію къ нимъ царское распоряженіе находилъ рѣшительно невозможнымъ, прямо возбуждавшимъ бунтъ“ ²⁾). Позднѣе и самъ Давидъ созналъ неразумность и грѣховность предпринятой имъ переписи и просилъ Бога простить ему эту вину,—но былъ наказанъ за нее моровою язвою.

Всегда вѣрно служившій Давиду, Иоавъ измѣнилъ ему, повидимому, предъ самою его смертью. И эту измѣну стараются обыкновенно объяснять только его честолюбіемъ. Мы же думаемъ, что и здѣсь можно обойтись безъ этого, всюду открываемаго, честолюбія Иоава. Предъ своею смертью Давидъ ослабѣлъ и духомъ и тѣломъ, особенно тѣломъ. Но преемни-

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 266.

²⁾ Тамъ же.

ка себѣ официально не назначалъ ¹⁾. При дворѣ образовались двѣ партіи. Одна прочила въ цари Адонію. Адонія былъ старшій изъ оставшихся въ живыхъ послѣ смерти Авессалома сыновей Давида. Онъ самъ уже считалъ себя поѣтому будущимъ царемъ и завелъ себѣ колесницы, всадниковъ и пятьдесятъ человекъ скороходовъ. Давидъ видѣлъ это, но не стѣснялъ его вопросомъ: для чего ты это дѣлаешь? Какъ видно, онъ питалъ къ нему родительскую слабость, тѣмъ болѣе, что онъ былъ красивъ и родился ему послѣ такъ глубоко оплакиваемаго имъ Авессалома. Сторону Адоніи держали Иоавъ, первосвященникъ Авіаѳаръ, сыновья царя-братья Адоніи, кромѣ Соломона, и іудеи, служившіе у царя, быть можетъ, іудейская аристократія; можно думать, что его же считала преемникомъ Давида и народная масса. Другая партія считала преемникомъ Давида сына его отъ Вирсавіи Соломона. Соломонъ былъ значительно моложе Адоніи. Этого сына желалъ имѣть преемникомъ самъ Давидъ и въ этомъ смыслѣ далъ клятвенное обѣщаніе матери его Вирсавіи. Въ это намѣреніе былъ посвященъ пророкъ Наѳанъ. Знали, кажется, о немъ первосвященникъ Садокъ, Ванея, сынъ Іоаевъ, начальникъ личной стражи Давидовой, Семей и Рисій неизвѣстные ²⁾ и отборная дружина Давида.

Почему Иоавъ принялъ сторону именно Адоніи, а не Соломона? На это прежде всего нужно сказать, что становясь на сторону Адоніи, Иоавъ не становился прямо противъ Давида, потому что Давидъ не объявлялъ официально Соломона своимъ преемникомъ, а ходившимъ при дворѣ слухамъ о томъ онъ могъ не вѣрить. Причину того, почему онъ принялъ сторону Адоніи, видятъ обыкновенно въ его честолюбіи. Такъ, напр., Евальдъ думаетъ, что Иоавъ принялъ сторону Адоніи, „потому что получилъ, вѣроятно, отъ

¹⁾ Причины этого хорошо выясняетъ г. Богородскій. Еврейскіе царі. Стр. 283—284.

²⁾ Евальдъ считаетъ ихъ братьями Давида. Geschichte. III. S. 285.

Адоніи обѣщаніе ненаказанности въ будущемъ за свои старыя грѣхи“ 1). Обстоятельное объясненіе этой причины дано г. Богородскимъ. „Іоавъ, еще сохранившій энергію и жажду почестей, не могъ не замѣтить глубокаго нерасположенія къ нему Давида, порожденнаго и усиленнаго неоднократными случаями его (Іоава) своевольства, которое оскорбляло Давида и какъ царя, и какъ человѣка. Онъ понималъ, что преемникъ, избранный по желанію Давида, унаслѣдуетъ это нерасположеніе и, какъ только почувствуетъ себя сильнымъ, дастъ ему чистую отставку. Чтобы удержать свое значеніе, онъ рѣшился содѣйствовать замыслу Адоніи, который, утвердившись на престолѣ, навсегда былъ бы обязанъ ему благодарностью“ 2). Изъ подобнаго же честолюбиваго мотива объясняетъ Богородскій присоединеніе къ Адоніи и первосвященника Авіаѳара 3).

Намъ думается, и здѣсь можно обойтись безъ честолюбія и объяснять переходъ Іоава на сторону Адоніи изъ болѣе невинныхъ мотивовъ. Адонія былъ, какъ извѣстно, старшимъ сыномъ Давида изъ оставшихся въ живыхъ его сыновей. Старшинство у евреевъ высоко цѣнилось. Первенецъ отца даже отъ нелюбимой имъ жены получалъ права первородства и двойную часть изъ всего, что найдется послѣ отца (Втор. 21, 15—17). Наслѣдственное первосвященство переходило также отъ отца къ старшему сыну. Хотя прямого закона о такомъ именно порядкѣ въ наслѣдованіи первосвященства не было, но обычай былъ именно такой. Этотъ обы-

1) Geschichte III. S. 285.

2) Еврейскіе цари. Стр. 284. 285. Такъ точно и Вейсъ: David und seine Zeit. S. 257. Лопухинъ, Библейская Исторія. II. Стр. 272 и другіе.

3) „Этотъ человѣкъ, бывшій некогда приверженцемъ Давида, почувствовалъ себя оскорбленнымъ, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ Садокъ, глава болѣе многочисленной священнической линіи, оставленъ былъ въ санѣ первосвященника и сталъ пріобрѣтать значеніе при дворѣ... Подобно Іоаву онъ рѣшился обезпечить высокое преимущество своего рода содѣйствіемъ замыслу Адоніи, который въ случаѣ удачи уже не предпочелъ бы ему Садока“. Еврейскіе цари. Стр. 285.

чай переносился и на наследованіе царской власти, коль скоро она становилась наследственной въ одномъ семействѣ. Правда, царская власть была учрежденіемъ еще новымъ въ еврейскомъ народѣ и закона относительно ея наследованія еще не было установлено, не успѣвъ установиться даже и простой обычай. Сауль, первый царь, былъ избранъ жребіемъ. Ему наследовалъ въ половинѣ израильской земли оставшійся въ живыхъ сынъ его Іевосоей, а этому Давидъ, изъ другого даже колѣна, ставшій царемъ надъ всемъ Израилемъ по народному избранію. Давиду приходится первому передать свой престолъ своему сыну, и онъ передаетъ его не Адоніи, который былъ теперь старшимъ, а Соломону, который былъ значительно моложе Адоніи. Почему? Нѣкоторые смотрятъ на восшествіе Соломона на престолъ, какъ на результатъ придворной, гаремной интриги. Дѣло представляютъ такъ. Послѣ несчастной кончины Авессалома законнымъ наследникомъ былъ Адонія. Онъ и велъ себя, какъ наследникъ. Давидъ видѣлъ это и не препятствовалъ и тѣмъ укрѣплялъ его въ своей надеждѣ. Подъ конецъ своей жизни Давидъ одряхлѣлъ, сталъ нерѣшителенъ и о преемникѣ своемъ не думалъ. Но чѣмъ менѣе царь думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе вопросъ объ его преемникѣ занимаетъ дворъ. Онъ раздѣляетъ его на двѣ партіи. На сторонѣ законнаго наследника стоятъ старые сподвижники Давида: полководецъ Іоавъ и первосвященникъ Авіаѳаръ: это представители стараго порядка вещей. Кажется и большая, часть іудейскихъ сановниковъ Давида настроена благопріятно для Адоніи. Напротивъ, Вирсавія, мать Соломона, склоняетъ на сторону своего сына второго первосвященника Садока, пророка Наана и, что всего важнѣе было при тогдашнемъ положеніи, Ванею, начальника царской стражи, а слѣдовательно и эту саму. Въ глазахъ старыхъ сподвижниковъ Давида друзья Соломона были „новички и выскочки“. Каждая изъ этихъ партій, чтобы предупредить возможность гражданской войны послѣ смерти Давида, если онъ

умреть, не назначивъ себѣ преемника, старается достигнуть своей цѣли еще при жизни Давида и для этого строго слѣдитъ одна за другою, чтобы воспользоваться для себя малѣйшею оплошностью другой. Эту оплошность и сдѣлалъ Адонія. Увѣренный въ своей побѣдѣ, онъ устроилъ вблизи источника Рогель жертвенное пиршество, на которое пригласилъ всѣхъ своихъ братьевъ, кромѣ Соломона, Иоава и Авиаѳара и многихъ іудейскихъ сановниковъ Давида, но не пригласилъ Наѳана, Ванею и Садока. Онъ имѣлъ въ виду, вѣроятно, не будучи безпокоимъ противниками, переговорить о своемъ дѣлѣ. Но этимъ онъ неосмотрительнымъ образомъ отвлекъ изъ близости царя своихъ приверженцевъ, а неприглашеніемъ Соломона далъ въ руки своимъ противникамъ оружіе, которымъ они не приминули воспользоваться наилучшимъ образомъ. Наѳанъ, какъ только узналъ о пиршествѣ, тотчасъ же отправился къ Вирсавіи и условился съ нею въ томъ, что они одинъ за другимъ пойдутъ къ царю и сообщатъ ему, что Адонія провозглашаетъ себя теперь царемъ. Сначала идетъ къ царю Вирсавія. Она напомнила царю, что онъ клялся ей, что послѣ него царемъ будетъ ея сынъ Соломонъ, а теперь безъ его вѣдома царемъ сдѣлался Адонія. Онъ устроилъ большое жертвенное пиршество и пригласилъ на него сыновей царскихъ, и Иоава и Авиаѳара, а Соломона не пригласилъ. Глаза всего Израиля обращены къ царю, чтобы онъ объявилъ, кто послѣ него сядетъ на престолѣ. Иначе послѣ смерти его она съ Соломономъ будутъ обвинены и погибнуть. Явившійся за нею Наѳанъ подтвердилъ заявленія Вирсавіи какъ относительно обѣщанія Давида въ пользу Соломона, такъ и относительно поступка Адоніи и прибавилъ, что онъ слышалъ, какъ пировавшіе съ Адоніею кричали: да живетъ царь Адонія! Произошло ли это съ вѣдома царя, и царь не извѣстилъ своихъ рабовъ о томъ, кто будетъ сидѣть на престолѣ его послѣ него? Послѣ этого царь пригласилъ къ себѣ снова Вирсавію, далъ ей клятву сдѣлать

преемникомъ своимъ Соломона и извѣстное распоряженіе относительно помазанія и воцаренія Соломона. Такъ приверженцы Соломона, пользуясь старческою слабостью Давида, съумѣли внушить ему, будто онъ далъ прежде клятвенное обѣщаніе, котораго онъ на самомъ дѣлѣ не давалъ, но которое онъ усвоилъ теперь, будучи напуганъ призракомъ заговора со стороны Адоніи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Адонія устроилъ невинное пиршество съ своими приверженцами и провозглашать себя царемъ на этотъ разъ не думалъ¹⁾. Такое именно представленіе дѣла имѣетъ, повидимому, нѣкоторую опору въ текстѣ Писанія. Во-первыхъ, ранѣе этого событія не говорится въ текстѣ о томъ, чтобы Давидъ считалъ Соломона своимъ преемникомъ, а тѣмъ болѣе давалъ клятву Вирсавіи въ этомъ смыслѣ; наследникомъ его считался какъ будто Адонія. Во-вторыхъ, дѣеписатель не говоритъ ничего о преступныхъ намѣреніяхъ Адоніи при учрежденіи имъ жертвеннаго пиршества; о нихъ знаетъ какъ будто бы только Наоанъ. Но предполагать, что Вирсавія и Наоанъ внушили Давиду клятвенное обѣщаніе, котораго онъ на самомъ дѣлѣ не давалъ, можно только въ томъ случаѣ, если допустить, что Давидъ не только сталъ нерѣшителенъ, но уже и потерялъ всякую память и почти сознаніе. А между тѣмъ послѣдующія его дѣйствія при воцареніи Соломона и предъ смертію показываютъ, что хотя онъ и былъ слабъ физически, но обладалъ достаточною ясностью сознанія и душевною энергіею. Поэтому Вирсавія и Наоанъ могли ссылаться только на обѣщаніе царя, такъ или иначе дѣйствительно имъ прежде дамъ

¹⁾ Такъ въ общемъ представляютъ дѣло Штаде и Вельгаузенъ. Штаде (*Geschichte*, II. 294) высказывается нерѣшительно относительно того, давалъ или не давалъ Давидъ ранѣе клятву Вирсавіи о престолонаслѣдіи Соломона. Вельгаузенъ же прямо утверждаетъ, что такой клятвы Давидъ ранѣе не давалъ J. Wellhausen. *Israelitische und jüdische Geschichte*. Zw. Ausg. Berlin. 1895. S. 65, Смори также въ *Geschichte der Hebräer* von R. Kittel, — 2. Halbband. Gotha. 1892. S. 155—157.

ное. О преступномъ же намѣреніи Адоніи провозгласить себя царемъ во время пиршества дѣеписатель не говоритъ въ разсказѣ объ учрежденіи этого пиршества во избѣжаніе повторенія, потому что оно открывалось изъ дальнѣйшаго его разсказа о немъ, именно изъ словъ Вирсавіи и Наана. Поэтому нельзя говорить, что придворная интрига доставила престолъ Соломону. Нужно искать болѣе глубокихъ причинъ.

Кажется, Соломонъ еще прежде своего рожденія указанъ былъ, какъ наслѣдникъ на престолѣ Давидовомъ. Когда Давидъ намѣревался построить храмъ въ Іерусалимѣ, ему открыто было чрезъ пророка Наана, что не онъ, а сынъ, имѣющій произойти отъ него, построить храмъ (2 Цар. 7, 12 ср. 3 Цар. 8, 19). Это откровеніе Давидъ понялъ, кажется, такъ, что строителемъ храма будетъ не который либо изъ родившихся его сыновей, но тотъ, который имѣеть родиться. Когда, поэтому, скоро послѣ этого откровенія родился у него отъ Вирсавіи второй сынъ, онъ сталъ считать его будущимъ строителемъ храма, а, слѣдовательно, и своимъ наслѣдникомъ. Во вниманіи къ этому откровенію онъ назвалъ его Соломономъ, т. е. богатымъ миромъ (2 Цар. 7. 10). Въ этомъ взглядѣ на Соломона, какъ будущаго своего наслѣдника, могло укрѣпить Давида и то, что пророкъ Наанъ, по повелѣнію Божию, назвалъ его „Іедидіа“, т. е. возлюбленный Богомъ (2 Цар. 12, 25 ср. 1 Пар. 28, 5, 6; 29, 1). Можно думать, что на воспитаніе этого сына Давидъ обратилъ особенное вниманіе. Думаютъ даже нѣкоторые, что воспитаніе его онъ ввѣрилъ пророку Наану ¹⁾, хотя подтвердить это мнѣніе какимъ-либо библейскимъ мѣстомъ нельзя ²⁾. Когда Соломонъ сталъ подростать, онъ не могъ не обнаружить своихъ необыкновенныхъ способностей и

¹⁾ Hengstenberg, Geschichte. II, 2. S. 132; Stade. Geschichte, II. 280. Богородскій, Еврейскіе цари. 282.

²⁾ Köhler, Lehrbuch. II. S. 341—342.

замѣчательной серьезности характера, рѣзко отличавшихъ его отъ всѣхъ братьевъ. Въ это то время Давидъ, вѣроятно, и далъ Вирсавіи клятвенное обѣщаніе сдѣлать Соломона, ея сына, своимъ наслѣдникомъ (Цар. 1, 13. 17. 30). Объ этомъ своемъ намѣреніи онъ извѣстилъ, нужно думать, и пророка Наана. Съ теченіемъ времени о немъ узнали или его предполагали и другіе значительные при дворѣ люди, быть можетъ, всѣ тѣ, которые въ 3 книгѣ Царствъ не считаются сторонниками Адоніи, хотя Давидъ и не объявлялъ своей воли во всеуслышаніе. Быть можетъ, зналъ по слухамъ или предполагалъ это намѣреніе и Іоавъ. Тѣмъ не менѣе онъ стоялъ на сторонѣ Адоніи. Адонію, въ то время, быть можетъ, тридцатипятилѣтняго мужа, онъ считалъ, вѣроятно, болѣе способнымъ быть царемъ по смерти отца, чѣмъ восемнадцати-двадцатилѣтняго Соломона. А главное, Адонія былъ старшимъ и уже поэтому естественнымъ наслѣдникомъ, по взгляду того времени на старшинство. Старшинство Адоніи было, надо полагать, причиною того, что именно считалъ наиболѣе полноправнымъ наслѣдникомъ Давида первосвященникъ Авіаѳаръ, раздѣлявшій нѣкогда съ Давидомъ бѣдствія его странствованій и самъ страдавшій отъ несправедливости Саула къ его отцу. Несомнѣнно законнымъ наслѣдникомъ престола считали Адонію и его братья, принявшіе его сторону и, нужно думать, народъ, въ глазахъ котораго Адонія старался показываться, какъ наслѣдникъ престола; словомъ всѣ тѣ, которые стояли въ сторонѣ отъ Давида и не знали его тайнаго намѣренія, считали, надо полагать, естественнымъ наслѣдникомъ Давида старшаго его сына Адонію. Не сознаніе ли этого права Адоніи, признаваемого за нимъ всѣми, и жалость къ нему, котораго онъ любилъ, удерживали, между прочимъ, Давида до самаго послѣдняго возможнаго срока отъ объявленія своей воли о престолонаслѣдіи? Іоавъ и въ настоящемъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, является челоуѣкомъ изъ народа. Кажу-

щеся ему чувство справедливости ставить его на сторону Адоніи и, если онъ зналъ волю Давида относительно Соломона, даже противъ Давида и теперь, какъ не разъ прежде, когда ему казалось, что Давидъ уклоняется отъ правильнаго пути. Именно, ревнуя о чести Давида, какъ царя справедливаго, на котораго не должна падать и капля подозрѣнія въ какомъ-либо предосудительномъ пристрастіи, Іоавъ становится на сторону того, кому престолъ принадлежитъ, по общему мнѣнію, по справедливости. Собственное его самолюбіе и честолюбіе могли не играть при этомъ никакой роли. Скорѣе можно предполагать въ душѣ Іоава сожалѣніе объ уклоненіи Давида отъ праваго, по его мнѣнію, пути. Очень возможно, что Іоава склоняла на сторону Адоніи и отклоняла отъ Соломона извѣстная ему тайна смерти Уріи, перваго мужа его матери. Недоумѣвая, въ чемъ провинился Урія предъ царемъ, въ то время, когда онъ исполнялъ съ точностью царскій смертный приговоръ, онъ теперь ясно понимаеъ вину Уріи и горечь отъ сознанія того, что онъ былъ орудіемъ невинной смерти Уріи, перенесъ на сына Вирсавіи Соломона, котораго не хотѣлъ видѣть на престолѣ Давида и даже старался не допускать до него ¹⁾).

¹⁾ Кажется, обольщеніе Вирсавіи и смерть Уріи отклонили отъ Давида и даже вооружили противъ него извѣстнаго его совѣтника, совѣтъ котораго считался за изреченіе Божіе, Ахитофела изъ Гило. Ахитофель былъ, кажется, дѣдомъ Вирсавіи по отцу. Вирсавіа называется дочерью Еліама (2 Цар. II, 3; Амміада въ 1 Парал. 3, 5). Еліамомъ называется сынъ Ахитофела изъ Гило, одинъ изъ тридцати семи храбрцовъ Давидовыхъ (2 Цар. 23, 34). Этого-то Еліама, сына Ахитофелова, Гретцъ, *Geschichte*, I. S. 216. 263, Weiss, *David*. S. 225, Stade, *Geschichte*. II. S. 279. 284, Лопухинъ, *Библейская исторія*, II, 211 и другіе считаютъ отцомъ Вирсавіи, а Вирсавію внучкою Ахитофела. Отецъ и дѣдъ считали честь свою оскорбленною чрезъ обольщеніе Вирсавіи и возненавидѣли Давида. Богородскій въ одномъ мѣстѣ (*Еврейскіе цари*, стр. 196) допускаетъ указанное родство Вирсавіи съ Ахитофеломъ и тѣмъ увеличиваетъ глубину нравственнаго паденія Давида, но въ другомъ мѣстѣ (стр. 216) сомнѣвается въ этомъ родствѣ Вирсавіи съ Ахитофеломъ и „не согласенъ объяснять его

Попытка Адоніи ускорить свое вступленіе на престоль еще при жизни отца, предпринятая имъ, очевидно, въ виду становившихся болѣе и болѣе настойчивыми слуховъ, о предоставленіи престола Соломону, только ускорила объявленіе своей рѣшительной воли о престолонаслѣдіи Давидомъ и предоставила престоль Соломону. Такъ какъ доселѣ закона о престолонаслѣдіи въ израильскомъ царствѣ не было установлено, не было даже и обычая именно въ престолонаслѣдіи, то народъ, узнавъ волю царя прямую и рѣшительную, оставилъ Адонію и спокойно призналъ своимъ царемъ Соломона, котораго призналъ царемъ и самъ Адонія. Долженъ былъ, конечно, признать его царемъ и Иоавъ.

Но участіе Иоава въ заговорѣ Адоніи ясно показало его внутреннее расположеніе или точнѣе нерасположеніе къ Соломону. Этимъ внутреннимъ его отношеніемъ къ Соломону и опредѣляются дальнѣйшія отношенія къ нему Давида и Соломона. Если бы Давидъ предполагалъ, что Иоавъ принялъ сторону Адоніи только потому, что надѣялся при немъ

(Ахитофела) ненависть къ Давиду тѣми идеальными побужденіями, которыя приписываетъ ему Грець⁴. Самъ онъ признаетъ, что Ахитофель не только не обидѣлся тѣмъ, что Давидъ овладѣлъ Вирсавією, напротивъ, былъ доволенъ, и желалъ извлечь для себя изъ этого пользу и возненавидѣлъ Давида только потому, что этотъ „далъ ему почувствовать неосуществимость его стремленій“. Конечно, если все въ дѣятельности лучшихъ людей въ израильскомъ народѣ и приближенныхъ къ Давиду лицъ (Иоава, Агаеара) объяснять только изъ честолюбія, то и Ахитофель, мудрѣйшій его совѣтникъ, долженъ дѣйствовать по тѣмъ же побужденіямъ честолюбія. Но неужели всѣ близкія къ Давиду лица были честолюбцы и даже честолюбцы высшаго сорта, каковымъ хочеть представить Ахитофела Богородскій? Намъ представляется гораздо естественнѣе то объясненіе ненависти Ахитофела къ Давиду, какое даютъ Грець и другіе, нами поименованные. Самъ Богородскій, какъ мы видѣли, колеблется въ признаніи родства Вирсавіи съ Ахитофеломъ. Очень вѣроятно, что Ахитофель былъ дѣйствительно дѣдомъ Вирсавіи. А если такъ, то онъ долженъ былъ почувствовать оскорбленіе въ обольщеніи Вирсавіи и смерти Уріи, увидѣлъ въ этомъ безчестіе для Вирсавіи и своего рода и считалъ себя обязаннымъ отмстить и за безчестіе Вирсавіи и за смерть Уріи. Примѣръ мести за безчестіе близкой родственницы даетъ Авесса-

удержать свое мѣсто военачальника и опасался лишиться его при Соломонѣ, если бы онъ считалъ его человѣкомъ, „готовымъ сдѣлать для царя все, чего бы онъ ни потребовалъ, кромѣ сложенія власти главнокомандующаго“, то, для привлеченія его на сторону Соломона, было бы достаточно оставить его спокойно въ должности главнокомандующаго и при Соломонѣ. Но, очевидно, Давидъ считаетъ невозможнымъ привлечь Иоава къ Соломону этимъ путемъ и потому считаетъ необходимымъ предъ самую свою смерть предостеречь Соломона предъ Иоавомъ и въ случаѣ новой вины послѣдняго предъ Соломономъ поступить съ нимъ съ самою болѣею строгостью, даже предать его смерти. Вотъ слова, съ которыми Давидъ обратился къ Соломону предъ свою смерть. „Ты знаешь, что сдѣлалъ мнѣ Иоавъ, сынъ Саруинъ, какъ поступилъ онъ съ двумя вождями войска израильскаго, съ Авениромъ, сыномъ Нировымъ, и Амессаемъ, сыномъ Іеѳеровымъ, какъ онъ умертвилъ ихъ и пролилъ кровь бранную во время мира, обагривъ кровію бранною поясъ на чреслахъ своихъ и обувь на ногахъ своихъ. поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить сѣдины его мирно въ преисподнюю“ (3 Цар. 2 6).

Какъ понимать эти слова Давида? Различные писатели относятся различно къ этимъ словамъ Давида. Одни признаютъ ихъ неподлинными, или потому, что они свидѣлствуютъ о Давидѣ, какъ человѣкѣ, заботившемся о томъ, чтобы преступленія не оставались ненаказанными, каковымъ Давидъ будто бы не былъ, но каковымъ хотѣлъ

ломъ, убившій своего брата Амнона, обезчестившаго его сестру Тамаръ. Самый способъ мести Ахитофеа Давиду какъ бы указываетъ на то, за что совершается эта мечь. За тайное безчестіе Вирсавіи, совершенное Давидомъ, онъ совѣдуетъ Авессалому обезчестить наложницъ своего отца явно, предъ глазами всего народа, какъ бы исполняя тѣмъ угрозу пророка Наана Давиду (2 Цар. 12. 11—12).

представить его библейскій писатель ¹⁾, или потому, что Давида считаютъ неспособнымъ къ тому, чтобы онъ могъ дать „такое порученіе, внушенное чувствами непримиримой ненависти и вѣроломнаго расчета ²⁾. Правильное пониманіе этихъ словъ покажетъ, что они могли быть сказаны Давидомъ, не возвышая чрезмѣрно и не умаляя его нравственнаго величія. Тѣ, которые считаютъ эти слова подлинными, понимаютъ ихъ также различно. Одни видятъ въ нихъ, не завѣщаніе, а просто наставленіе, или предупрежденіе на счетъ опасныхъ людей, которыхъ не слѣдовало уже щадить даже при малѣйшемъ подозрительномъ признакѣ въ ихъ поведеніи. „Упомяная о преступленіяхъ Иоава (и Семея), Давидъ не вину указываетъ, за которую Соломонъ обязанъ казнить ихъ, а только выясняетъ Соломону, до какой степени эти люди дерзки и опасны“ ³⁾. Но такое пониманіе ихъ не отвѣчаетъ, кажется, существу дѣла. Въ нихъ слишкомъ ясно проглядываетъ настойчивое указаніе „не отпустить сѣдины его (Иоава) мирно въ преисподнюю“ Поэтому другіе видятъ въ нихъ прямое завѣщаніе Давида Соломону, которое послѣдній долженъ непременно выолнить ⁴⁾. Но противъ такого пониманія ихъ говоритъ прибавка: „поступи по мудрости твоей“. И въ самомъ дѣлѣ, „какая требовалась особенная мудрость для царя, чтобы казнить преступниковъ“ за прежнія преступленія? Болѣе вѣроятнымъ намъ представляется такое пониманіе разсматриваемыхъ нами словъ, по которому они представляютъ болѣе, чѣмъ простое предупрежденіе, но и не прямое завѣщаніе. Иоавъ долженъ быть наказанъ смертью за свои преступленія по отношенію къ Авениру и

¹⁾ Альмъ. См. у Богородскаго, Еврейскіе цар. Стр. 295.

²⁾ Stade, Geschichte. II. 296.

³⁾ Богородскій, Еврейскіе цар. 297. Köhler, Lehrbuch. II. S. 373.

⁴⁾ Кейль. Biblischer Commentar. Die Bücher der Könige. Leipzig. 1865.

Амессаю; но поводъ къ наказанію его за нихъ долженъ быть данъ имъ самимъ новый. Въ свое время Давидъ не наказалъ его за нихъ,—мы уже видѣли почему. И во всякомъ случаѣ Іоавъ, совершившій ихъ, былъ вѣрнымъ слугою Давида, твердою опорой его царства. Потому и Давидъ не находилъ въ себѣ силъ, собственно рѣшимости, наказать своего вѣрнаго, хотя и своевольнаго, слугу смертію. Но преступленія оставались преступленіями и требовали наказанія и отмщенія. Какъ живо было въ то время сознаніе необходимости и обязательности мщенія вообще, мы уже видѣли. Неотмщенная вина Саула противъ гаваонитянъ навлекла страшное бѣдствіе голода на израильское царство, и для изглаженія этой вины самъ Давидъ долженъ былъ выдать гаваонитянамъ семь потомковъ Саула (2 Цар. 21, 1—9). Нужду наказанія за преступленія и опасеніе несчастій для своего дома отъ ненаказанія ихъ сознавалъ, конечно, и Давидъ, отличавшійся справедливостью (1 Цар. 24, 13; 26, 23; 2 Цар. 4, 9; 8, 15; 22, 28. 25; Пс. 4, 2; 7, 9; 9, 9 и др). Особенно живо это сознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасеніе несчастій для своего дома въ томъ случаѣ, если преступленія эти останутся ненаказанными, должны были быть въ послѣдніе годы его жизни, когда человѣкъ думаетъ уже не столько о себѣ, сколько о своемъ потомствѣ. Очень возможно, что возмущеніе Адоніи въ концѣ его жизни напомнило ему особенно объ Іоавѣ. И вотъ, чтобы удовлетворить не жадѣ кровомщенія¹⁾, а требованію строгаго правосудія въ смыслѣ своего времени и спасти свой домъ отъ мщенія въ будущемъ, онъ заповѣдуетъ Соломону „не отпустить сѣдины Іоава мирно въ преисподнюю“. Умолчаніе объ убійствѣ Авессалома, которое (убійство), по мнѣнію Штаде, Давидъ простилъ Іоаву меньше всего другого²⁾, го-

¹⁾ Seinecke, Geschichte. I. 326.

²⁾ Stade, Geschichte. I. S. 296.

ворить именно о томъ, что Давидъ руководится здѣсь не личною местию, а желаетъ наказать ненаказанныя еще государственныя преступленія ¹⁾). Соломонъ не былъ связанъ никакими услугами Иоава. Напротивъ, по отношенію къ Соломону Иоавъ былъ уже виновенъ именно какъ его противникъ. И, какъ противникъ сильный, онъ могъ быть для него и опаснымъ. Уже поѣтому Соломонъ долженъ былъ слѣдить за нимъ внимательнѣе. Тѣмъ не менѣе Давидъ не завѣщаетъ Соломону наказать Иоава просто лишь за его прежнія вины. Онъ говоритъ ему: „ поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить сѣдины его мирно въ преисподнюю“. Это значитъ: Иоавъ, ненаказанный въ свое время за свои преступленія и теперь остающійся на своемъ мѣстѣ, не долженъ быть наказанъ Соломономъ тотчасъ по смерти Давида только за тѣ прежнія преступленія. Соломонъ долженъ выжидать новой вины со стороны Иоава и тогда, какъ укажетъ ему его мудрость, поступить съ нимъ такъ, чтобы сѣдина его не ушла мирно въ преисподнюю, наказывая его такимъ образомъ не за эту только послѣднюю вину, но и за прежнія еще ненаказанныя преступленія. Соломонъ такъ и исполняетъ это завѣщаніе или наставленіе своего отца. При своемъ вступленіи на престолъ онъ не лишаетъ Иоава занимаемаго имъ мѣста главнокомандующаго. Но когда онъ заподозрилъ его въ соучастіи въ задуманной Адоніею хитрой интригѣ противъ себя, онъ повелѣваетъ Ванѣ умертвить его даже при жертвенникѣ, наказывая его не за эту только политическую его неблагонадежность, но и за его прежнія вины. Это послѣднее слѣдуетъ ясно изъ тѣхъ словъ, которыми Соломонъ повелѣваетъ Ванѣ умертвить Иоава при самомъ жертвенникѣ. „Умертви его и похорони, и сними невинную кровь, пролитую Иоавомъ, съ меня и дома отца моего. Да обратитъ Господь кровь его на голову его за то,

¹⁾ Weiss, David. S. 260. 261.

что онъ убилъ двухъ мужей невинныхъ и лучшихъ его: поразилъ мечомъ, безъ вѣдома отца моего, Давида, Авенира, сына Нирова, военачальника израильскаго и Амессая, сына Теорова, военачальника іудейскаго. Да обратится кровь ихъ на голову Іоава и на голову потомства его навѣки, а Давиду, и потомству его, и дому его, и престолу его, да будетъ миръ навѣки отъ Господа“ (3 Цар. 2, 31—33)! Противъ того, что Іоавъ наказанъ былъ и за прежнія его вины не говоритъ то, что онъ ищетъ спасенія себѣ у жертвенника, у котораго убійца беззащитенъ (Исх. 21, 14). Іоавъ могъ искать спасенія у жертвенника, потому что онъ не считалъ себя убійцею. Авенира и Амессая онъ убилъ не по личнымъ счетамъ съ ними, или по крайней мѣрѣ и для пользы Давида и государства, какъ объ этомъ мы говорили выше: Амессая убилъ, какъ измѣнника Давиду, а Авенира, которому же и по господствовавшему тогда праву кровавой мести за смерть брата своего Азаила Ванея же, хотя, быть можетъ, и считалъ Іоава убійцею, не рѣшился убить его при жертвенникѣ, безъ прямого нарочитаго царскаго повелѣнія, именно ради святости мѣста, такъ какъ и, по мнѣнію Богородскаго, казнь Іоава произвела тяжелое впечатлѣніе на современниковъ именно потому, что „совершена была у подножія олтара“¹⁾. Лишенный жизни Іоавъ былъ похороненъ въ домѣ своемъ въ пустынѣ (3 Цар. 2, 34).

Такъ печально окончилъ свою жизнь великій полководецъ Давидовъ Іоавъ. Вѣрность его Давиду, своему царю, несомнѣнна; не подлежатъ сомнѣнію и его заслуги своему отечеству; но онъ дѣйствовалъ и тамъ, гдѣ слѣдовало, и тамъ, гдѣ не слѣдовало, почти только мечемъ, а потому и самъ погибъ отъ меча.

Θ. Покровскій.

¹⁾ Еврейскіе цари. Стр. 329.